

**ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА**

ЛУИЗА ПЕННИ

Час
расплаты

Это превосходная детективная история в классическом стиле Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников с нетерпением ожидать продолжения.

Booklist

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Час расплаты

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Час расплаты / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус», 2016 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-15378-3

Роман «Час расплаты» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Устав от затянувшегося бездействия после отставки, Арман Гамаш принимает предложение возглавить Полицейскую академию Квебека. Ему предстоит титаническая работа по реформированию этого крайне неблагополучного учебного заведения. Где лучше всего готовиться к новым сражениям, как не в тишине и уюте собственного дома – в деревне Три Сосны? Тем временем в деревенском бистро во время ремонта обнаруживается загадочная рукописная карта Трех Сосен, пролежавшая в стене около ста лет. Кто нарисовал эту странную карту и с какой целью? Гамаш поручает четверем кадетам академии разгадать эту загадку. Но их исследования внезапно прерывает ужасное событие: у себя в квартире в здании академии убит один из преподавателей и в его спальне найдена копия карты. Неужели убийца – один из этих четверых? Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-15378-3

© Пенни Л., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	30
Глава шестая	39
Глава седьмая	46
Глава восьмая	51
Глава девятая	55
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Луиза Пенни

Час расплаты

Louise Penny

GREAT RECONING

Copyright © 2016 by Three Pines Creations, Inc.

All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

© Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава первая

Арман Гамаш осторожно закрыл досье и стиснул его в руках, чтобы слова не вырвались наружу.

Папка была тоненькая. Всего несколько страничек. Такая же, как и все остальные, лежащие вокруг него на старом деревянном полу маленького кабинета. И в то же время она отличалась от других.

Гамаш окинул взглядом тощенькие жизни, замершие у его ног в ожидании того, как он решит их судьбу.

Он занимался этим уже некоторое время. Просматривал личные дела. Брал на заметку крохотные точки в правом верхнем углу на ярлычке. Красные точки – отвергнутые, зеленые – принятые.

Не он поставил эти точки. Это сделал его предшественник.

Арман положил папку на пол и наклонился вперед в удобном кресле, опершись локтями на колени. Соединил ладони своих больших рук, переплел пальцы. Он чувствовал себя словно пассажир в межконтинентальном полете, разглядывающий поля внизу. Какие-то из них плодородные, какие-то распаханы под пар и набираются сил. Какие-то – бесплодные, лишь тонкий слой почвы на скальной породе.

Но как различить их?

Он читал, думал, пытался разобраться в том, что скрыто за скудной информацией, собранной в папках. Он размышлял об этих жизнях и размышлял о решениях своего предшественника.

Много лет, десятилетий, пока он служил главой отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, его задача состояла в том, чтобы копать. Собирать улики. Обозревать факты и оспаривать ощущения. Преследовать и арестовывать. Рассуждать, но не судить.

А теперь он стал судьей и коллегией присяжных. Стал тем, кому принадлежит первое и последнее слово.

И Арман Гамаш, не особо удивившись, понял, что его устраивает такая роль. Она ему даже нравится. Да, нравится власть. Он был достаточно честен, чтобы признать это. Однако больше всего ему нравилось, что теперь он может не только реагировать на настоящее, но и формировать будущее.

И будущее находилось у его ног.

Гамаш откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. Было уже за полночь, но он не чувствовал усталости. Чашка чая и тарелочка печенья с шоколадной крошкой стояли нетронутыми на столе.

Шторы слегка подрагивали, из приоткрытого окна тянуло холодом. Гамаш знал, что если отодвинет шторы и включит лампу на крыльце, то увидит, как первые зимние снежинки кружатся в ее свете. Медленно падают и приземляются на крыши домов маленькой деревни Три Сосны.

Снег покроет старинные сады, тонким слоем ляжет на машины и на скамью посреди деревенского луга. Он будет мягко падать на леса и горы, на речушку Белла-Белла, текущую за домами.

Стояло начало ноября, и снег, даже по квебекским стандартам, выпал слишком рано. Дразнилка, предвестник. И недостаточно глубокий для детских игр.

Но Гамаш знал: уже скоро. Очень скоро все изменится. И серый ноябрь превратится в яркую, сверкающую страну чудес, где катаются на лыжах и коньках. Устраивают сражения снежками, берут снежные крепости, лепят снеговиков и делают ангелов на снегу, упавшем с небес.

Однако сейчас дети спали, спали и их родители. Все в квебекской деревеньке спали, пока падал снег и Арман Гамаш думал о молодых жизнях, лежащих у его ног.

Через открытую дверь кабинета он видел гостиную в доме, который делил со своей женой Рейн-Мари.

На дощатом полу там и тут лежали восточные коврики. По одну сторону большого каменного камина разместился большой диван, по другую – два выцветших кресла. Приставные столики были завалены журналами и книгами. Вдоль стен стояли книжные стеллажи, светильники наполняли комнату приятным светом.

Комната словно звала его, и Арман Гамаш поднялся, потянулся и прошел в гостиную, сопровождаемый немецкой овчаркой Анри. Он пошуровал кочергой в камине и сел в кресло. Его работа еще не закончилась. Теперь ему предстояло подумать.

Он принял решение относительно большинства папок. Кроме одной.

Увидев ее впервые, он прочел содержимое и положил папку в стопку отвергнутых. Согласился с красной точкой, поставленной предшественником.

Но что-то не давало ему покоя, и он все время возвращался к той папке. Читал, перечитывал. Пытался понять, почему именно это личное дело, именно эта молодая женщина, единственная из всех, не дает ему покоя.

Гамаш прихватил эту папку с собой и наконец открыл. Опять.

Она смотрела на него с фотографии. Самоуверенная, вызывающая. Бледная. С черными как смоль волосами, кое-где выбритыми, кое-где торчащими, как иглы ежа. В носу, бровях и щеках – безошибочно узнаваемый пирсинг.

Она заявляла, что знает древнегреческий и латынь, но в то же время еле-еле сумела окончить среднюю школу, а последние несколько лет, судя по досье, ничего не делала.

Она заслужила красную точку.

Так почему же он все время возвращался к этому делу? К ней? Не из-за ее внешности. Он знал достаточно, чтобы не замечать этого.

Как ее звали? Амелия?

Да, подумал он, вполне возможно. Такое же имя носила мать Гамаша – ее называли в честь женщины-авиатора, которая заблудилась в небе и пропала без вести.

Амелия.

Но, держа папку, Гамаш не ощущал никакого тепла. Напротив, он чувствовал некоторое отвращение.

Наконец Гамаш снял очки и потер глаза, прежде чем отправиться с Анри прогуляться по первому снежку.

А потом оба поднялись наверх – спать.

На следующее утро Рейн-Мари пригласила мужа позавтракать в бистро. Анри пошел с ними и тихо улегся под столом, пока они неторопливо потягивали *café au lait*¹ и ждали бекона в кленовом соке с омлетом и сыром бри.

Камины по обе стороны длинного помещения с балочным потолком горели, дрова весело потрескивали, в воздухе с запахом дыма витал разговор, а время от времени раздавался такой знакомый топот – приходящие клиенты сбивали снег с обуви.

Снегопад прекратился ночью, оставив лишь тонкий слой снега, едва прикрывший палую листву. Это был некий промежуточный мир – ни осени, ни зимы. Холмы, окружавшие деревню и защищавшие ее от внешнего, нередко враждебного мира, сами казались враждебными. Ну если непо-настоящему враждебными, то по меньшей мере негостеприимными. На их склонах

¹ Кофе с молоком (*фр.*).

торчали скелеты деревьев, чьи ветви, серые и голые, воздетые вверх, как будто просили о милосердии, хотя и знали, что не получают его.

Но на деревенском лугу стояли три высокие сосны, которые и дали деревне название. Полные жизни, прямые и сильные. Вечнозеленые. Бессмертные. Указующие в небо. Словно подзадоривавшие его сделать самое худшее из того, на что оно только способно.

Худшее было впереди. Но и лучшее – тоже. Впереди были и снежные ангелы.

– Voilà², – сказал Оливье, ставя на их стол корзиночку с теплыми румяными круассанами. – Пока ждете завтрака.

На корзиночке висел ценник. С люстры тоже свисал ценник. И «ушастые» кресла, на которых они сидели, тоже имели ценники. Все в бистро Оливье продавалось. Включая – как доверительно сообщал он гостям – его партнера Габри.

«Пакетик конфет – и он ваш», – раздавался голос Оливье, делавшего предложения посетителям, когда Габри в претенциозном переднике выходил в зал.

«Именно так он меня и заполучил, – признавался Габри, разглаживая передник, который он носил с одной-единственной, всем известной целью: досадить Оливье. – За пакетик ассорти».

Как только Оливье ушел, Арман пододвинул папку к жене:

– Ты не могла бы прочесть это?

– Конечно, – ответила она, надевая очки. – Какая-то проблема?

– Нет, не думаю.

– Тогда почему?.. – Она показала на папку.

До своей преждевременной отставки Гамаш нередко обсуждал с женой дела, по которым работал. Ему еще не исполнилось шестидесяти, и его уход из полиции скорее напоминал бегство. В тихую деревню, чтобы прийти в себя, отдохнуть от того, что находилось за этой грядой холмов.

Гамаш наблюдал за женой поверх чашки с крепким ароматным кофе, которую сжимал в руках. Они больше не дрожали, отметила Рейн-Мари. По крайней мере, часто. Она то и дело поглядывала на них – на всякий случай.

И глубокий шрам у виска тоже затянулся. А может быть, его заполнили любовь и чувство облегчения.

Гамаш все еще прихрамывал иногда, если уставал. Но, кроме хромоты и шрама, прошлое не оставило на нем видимых следов. Хотя Рейн-Мари никакие следы не требовались. Она никогда не забудет того, что произошло.

Она чуть не потеряла его.

Но в конечном счете они оказались здесь. В деревне, которая оставалась гостеприимной и в самые мрачные дни.

Они купили дом, обустроились, но Рейн-Мари знала, что наступит время, когда ее муж захочет и почувствует потребность вернуться к работе. Единственный вопрос, который возникал: а что потом? Что станет делать старший инспектор Арман Гамаш, глава самого успешного в стране отдела по расследованию убийств?

Ему поступало немало предложений. Его кабинет был завален конвертами с надписью «Секретно». К нему приезжало множество посетителей. Их направляли главы крупных корпораций, политические партии, предлагавшие ему избираться, полицейские организации, канадские и международные. К крыльцу обшитого белой вагонкой дома Гамашей подъезжали неприметные машины, из них выходили неброско одетые мужчины и женщины и стучались в дверь. Они садились в гостиной и заводили разговор о том, «что потом».

² Вот (фр.).

Арман вежливо выслушивал их, нередко предлагал ланч, или обед, или ночлег, если дело затягивалось допоздна. Но никогда не раскрывал свои карты.

Сама Рейн-Мари, оставив должность одного из главных библиотекарей в Национальном архиве Квебека, нашла работу своей мечты. Она устроилась волонтером в региональное историческое общество – разбирать многолетние завалы пожертвований.

Подобную работу ее прежние коллеги, без сомнения, сочли бы значительным шагом назад. Но Рейн-Мари это не интересовало. Она оказалась там, где хотела быть. Больше никаких шагов. Она остановилась. Рейн-Мари нашла дом в Трех Соснах. Она нашла дом в Армане. А теперь нашла и интеллектуальный приют, занявшись исследованием богатой несистематизированной коллекции документов, мебели, одежды и диковинок, оставленных историческому обществу по завещаниям.

Для Рейн-Мари Гамаш каждый день стал как Рождество – она разбирала коробки за коробками, коробки за коробками.

А потом, после долгих обсуждений с женой, Арман решил сделать свой следующий шаг.

В течение нескольких недель после этого, пока она корпела над стопками писем и старых документов, он просматривал папки, изучал секретные доклады, схемы, автобиографии. Сидя друг против друга в своей удобной гостиной, они исследовали каждый свою коробку, в то время как в камине потрескивал огонь, закипал кофе, а поздняя осень переходила в раннюю зиму.

Но если Рейн-Мари открывала мир, то Арман во многих отношениях делал противоположное. Он сокращал, обтачивал, сбрасывал, удалял омертвевшее, ненужное, нежелательное. Гниль. До тех пор, пока то, что оставалось у него в руках, не приобретало остроту. Копье, созданное им самим. И необходимое ему. Не должно быть никаких сомнений в том, кто стоит у штурвала и в чьих руках власть. И в том, что он готов воспользоваться ею.

Рейн-Мари знала, что он почти подошел к концу. Оставалось одно небольшое препятствие.

И они смотрели сейчас на это препятствие, невинно лежащее на столе среди крошек от круассана.

Арман открыл рот, чтобы заговорить, потом закрыл его и резко выдохнул.

– Меня что-то беспокоит в этом досье, но не могу понять что.

Рейн-Мари открыла папку и прочитала ее содержимое. Много времени на это не понадобилось. Через несколько минут она закрыла папку и мягко положила на нее ладонь – так мать кладет руку на грудь заболевшего ребенка. Чтобы убедиться, что сердце бьется.

– Девушка странная, этого у нее не отнимешь. – Она посмотрела на красную точку в уголке. – Я вижу, ты ей отказываешь.

Арман неопределенно взмахнул руками.

– Неужели ты собираешься ее взять? – спросила Рейн-Мари. – Даже если она и в самом деле читает на древнегреческом и латыни, для работы от ее чтения мало толку. Это мертвые языки. К тому же она вполне может врать.

– Верно, – согласился он. – Но если ты хочешь соврать, то зачем врать вот так? Странная выдумка.

– У нее нет подготовки, – сказала Рейн-Мари. – И ужасные выпускные отметки в школе. Я знаю, выбирать нелегко, однако есть и другие заявители, которые больше заслуживают получить это место.

Принесли завтрак, и Арман положил папку на сосновый пол рядом с Анри.

– Даже не могу тебе сказать, сколько раз я менял эту точку, – с улыбкой проговорил он. – Красная – зеленая. Зеленая – красная.

Рейн-Мари подцепила на вилку кусочек нежного омлета. Длинная ниточка сыра бри прилипла к тарелке, и Рейн-Мари ради забавы подняла вилку выше головы, проверяя, насколько вытянется ниточка, прежде чем порвется.

Оказалось, длины ее руки не хватает.

Арман улыбнулся, покачал головой и разорвал ниточку пальцами.

– Вот, мадам, я вас освободил.

– От сырных уз, – сказала она. – Спасибо, добрый господин. Но боюсь, наша связь гораздо прочнее.

Он рассмеялся.

– Ты думаешь, это ее настоящее имя? – спросила Рейн-Мари.

Ее муж редко бывал таким нерешительным, но она знала, насколько серьезен он в принятии решений. Ведь они влияли на всю оставшуюся жизнь людей, относительно которых принимались.

– Амелия? – спросил Гамаш и нахмурился. – Я задавал себе тот же вопрос. Похоже, я слишком сильно реагирую, тебе не кажется? Моей матери нет вот уже почти полвека. Я встречал и других Амелий...

– Не так уж и много.

– Non, c'est vrai³. Но все же встречал. И хотя это имя всегда будет напоминать мне о матери, я никогда не думал о ней как об Амелии. Она была тамап.

Конечно, он был прав. И его вовсе не смущало то, что он, взрослый мужчина, говорит о «мамочке». Рейн-Мари понимала, что он просто вспоминает последний раз, когда видел отца и мать. Когда ему было девять. Когда они были не Амелия и Оноре, а мамочка и папочка. Они уехали на ужин к друзьям. И должны были вернуться и поцеловать его на ночь.

– Вполне вероятно, что это ее настоящее имя, – сказал Арман.

– Но ты сомневаешься. Тебе кажется, тут что-то другое.

– О господи, – пробормотал Оливье, подошедший проверить, как у них дела. Его взор был устремлен в окно. – По-моему, я еще не готов к этому.

– И мы тоже, – призналась Рейн-Мари, полагая, что он смотрит на припорошенный снегом деревенский луг. – Думаешь, что готов, но это всегда происходит так неожиданно.

– И приходит все раньше и раньше, – подхватил Арман.

– Точно. И кажется все злее и злее, – добавил Оливье.

– Но все же в ней есть какая-то красота, – сказал Арман и получил в ответ строгий взгляд Оливье.

– Красота? Вы шутите, да? – спросил тот.

– Нет, не шучу. Конечно, бывает, что она задерживается слишком надолго, – сказал Арман.

– И это вы говорите мне? – с горечью заметил Оливье.

– Она стареет и надоедает, – сказала Рейн-Мари.

– Стареет? – переспросил Оливье.

– Но если у вас правильные крышишки, то все в порядке, – закончила она.

Оливье поставил пустую корзиночку из-под круассанов обратно на стол:

– О чем это вы?

– О зиме, конечно, – ответила Рейн-Мари. – О первом снеге.

– А вы о чем? – спросил Арман.

– О Рут, – ответил Оливье, показывая в окно на приближающуюся к бистро пожилую женщину с тростью и уткой. Старую, холодную, злую.

Она вошла и оглядела помещение.

– Да, – сказал Оливье. – Правильные крышишки решат эту проблему.

– Пидор, – пробормотала Рут, ковыляя к ним.

– Карга, – пробормотал Оливье.

³ Это правда (фр.).

Втроем они наблюдали за старой поэтессой, которая заняла привычное место у огня. Она открыла сосновый ящик для одеял, используемый как кофейный столик, и извлекла оттуда несколько газет.

– Рут помогает мне разобраться со старыми газетами, которые мы нашли в стенах, когда делали ремонт, – сказал Оливье. – Вы же помните?

Арман кивнул. Оливье и его партнер Габри много лет назад превратили заброшенный магазин хозяйственных товаров в бистро, а когда меняли проводку и трубы, то вскрыли стены и нашли там много чего. Мумифицированных белок, одежду. Но главным образом – бумагу. Газеты, журналы, объявления, каталоги – их использовали для утепления, будто слово может удержать зиму на расстоянии.

Много горячих слов произносилось за квебекскую зиму, но ни одно не смогло остановить снег.

В хаосе ремонта газеты просто засунули в ящик для одеял и забыли о них. Много лет этот ящик простоял перед камином закрытый. Бессчетное количество чашек *café au lait*, бокалов вина, тарелок с местным сыром и паштетом, багетов и, наконец, ног посетителей ставилось на его поверхность, пока несколько месяцев назад газеты вновь не были обнаружены.

– Вряд ли там есть что-то ценное, – сказал Оливье, возвращаясь к столу Гамашей, после того как принес Рут ее завтрак из ирландского кофе и бекона.

– И как эта женщина все еще жива? – спросила Рейн-Мари.

– Все дело в желчи, – ответил Оливье. – Она ведь чистая желчь. А желчь не умирает. – Он посмотрел на Рейн-Мари. – Наверное, не стоит надеяться, что вы захотите помочь ей?

– Кто же откажется поработать с чистой желчью? – усмехнулась она.

– Если Рут пропустит стаканчик-другой, то становится всего лишь противной, вы же знаете, – сказал Оливье. – Прошу вас. Пожалуйста. Ей понадобилось два месяца, чтобы стопка газет понизилась на дюйм. Проблема в том, что она не просто просматривает – она читает все подряд. Вчера она целый вечер изучала «Нэшнл джиографик» за тысяча девятьсот двадцатый год.

– Я бы сделала то же самое, *mon beau*⁴, – сказала Рейн-Мари. – Но я вам вот что скажу. Если Рут примет мою помощь, то я – с удовольствием.

После завтрака она уселась на диване рядом со старой поэтессой и принялась разбирать содержимое ящика для одеял, а Арман и Анри направились домой.

– Арман! – прокричал Оливье.

Гамаш обернулся и увидел владельца бистро, который стоял в дверях и размахивал чем-то.

Это была папка с досье.

Арман побежал назад, чтобы забрать ее.

– Вы заглядывали внутрь? – спросил он.

Вопрос прозвучал так резко, что Оливье заколебался:

– Non.

Но под пристальным взглядом Гамаша он раскололся:

– Может быть. Ну да, посмотрел. Только ее фотографию. И имя. И немного биографию.

– Merci, – сказал Арман, взял папку и повернул обратно.

По пути домой Арман спрашивал себя, почему он так окрысился на Оливье. На папке было написано «Секретно», но он показывал ее Рейн-Мари, и никаких государственных секретов там не содержалось. А у кого не возникнет искушение заглянуть в папку с надписью «Секретно»?

Если они что-то и знали про Оливье, так это то, что у него нет иммунитета к искушениям.

⁴ Мой красавец (*фр.*).

А еще Гамаш спрашивал себя, почему он оставил папку. Вправду ли он ее забыл? По ошибке или специально?

Снег вернулся вскоре после полудня, принесенный ветром из-за гор, и принялся крутиться, пойманный в чаше среди холмов. И Три Сосны превратились в снежный шар.

Рейн-Мари позвонила сказать, что ланч она съест в бистро. Клара и Мирна присоединились к раскопкам ящика для одеял, и они проведут здесь целый день – будут есть и читать.

Арману это показалось идеальным, и он решил заняться тем же самым дома.

Он потыкал кочергой в свежее березовое полено, только что положенное в камин в гостиной, и некоторое время наблюдал, как занялась и, потрескивая, начала сворачиваться кора. Потом сел у камина с сэндвичем и книгой, а Анри устроился рядом с ним на диване.

Но взгляд Армана все время возвращался к кабинету, наполненному нетерпеливыми молодыми мужчинами и женщинами. Они смотрели на него и ждали, когда старик решит, что с ними делать, – так старики уже тысячи лет решали судьбы молодых.

Он не был стар, хотя и знал, что в их глазах выглядит старым, если не древним. Молодые мужчины и женщины видели в нем человека, которому вот-вот исполнится шестьдесят. При росте около шести футов он был скорее солидным, чем грузным; по крайней мере, так он говорил себе. Волосы его были скорее седыми, чем каштановыми, и слегка завивались над ушами. Иногда он носил усы, а иногда бороду, но сейчас был чисто выбрит, и каждый мог увидеть морщины на его лице, измученном заботами. Однако большинство морщин, если проследить их до истоков, вели к счастью. К тому выражению, которое появляется на лице, когда человек смеется или улыбается. Или когда он тихо сидит и наслаждается прекрасным днем.

Но иные из этих морщин вели в другие места. В места дикие, глухие. Где происходили страшные вещи. Некоторые морщины на лице Гамаша вели в места бесчеловечные и безобразные. К ужасным сценам. К неопишущим деяниям.

И некоторые из них совершил он сам.

Морщины на его лице были параллелями и меридианами его жизни.

Молодые мужчины и женщины заметили бы также глубокий шрам на его виске. Этот шрам сказал бы им, насколько близок был к смерти Арман Гамаш. Но лучшие из них обратили бы внимание не на шрам, а на исцеление. И увидели бы в глубине его глаз, за шрамом, за болью, даже за счастьем нечто неожиданное.

Доброту.

И возможно, когда их лица покроются морщинами, на них тоже проявится доброта.

Вот что он искал в досье. На фотографиях.

Многие могут быть умными. Сообразительными. Любой поддается обучению.

Но далеко не все добры.

Арман Гамаш посмотрел в свой кабинет, на молодых людей, собравшихся там. Ждущих.

Он знал их лица, по крайней мере их фотографии. Он знал их биографии, по крайней мере в том объеме, в каком они решились рассказать о себе. Он знал об их обучении, их отметках, их интересах.

Среди этой толпы он заметил ее. Амелию. Она ждала вместе с остальными.

Его сердце екнуло, и он поднялся.

Амелия Шоке.

Он понял вдруг, почему так реагировал на нее. Почему оставил ее досье в бистро и почему вернулся за ним.

И почему она вызывала у него такие эмоции.

Он показал ее досье Рейн-Мари в надежде, что она даст ему разрешение, которого он ищет. Разрешение сделать то, что подсказывал ему разум. Отказать этой молодой женщине. Повернуться к ней спиной. Уйти, пока еще есть возможность.

И теперь он знал почему.

Анри похрапывал, роняя слюну на диван, в камине шелестел и потрескивал огонь, снег налипал на окна.

Вовсе не имя девушки вызывало у Гамаша столь сильную реакцию. Дело было в ее фамилии.

Шоке.

Фамилия необычная, хотя и не единственная в своем роде. Чаще она имеет форму Шокетт.

Гамаш прошел в свой кабинет, поднял с пола ее досье и открыл. Пробежал по безнадежно скудным строкам. Потом закрыл дрожащей рукой.

Он посмотрел на огонь, и у него мелькнула мысль бросить папку туда. Пусть сгорит в огне. Ведьма, приговоренная к сожжению.

Но вместо этого он спустился в подвал.

Там он отпер маленькую комнату, где хранились папки со всеми его старыми делами. В самом дальнем углу комнаты он открыл небольшую коробку.

И в ней нашел то, что искал.

Подтверждение.

Шоке.

Логика говорила ему, что он, возможно, ошибается. Да и какова вероятность? Но он сердцем чувствовал, что прав.

Тяжело ступая, Гамаш вернулся наверх, остановился у окна и долго смотрел, как падает снег.

Детишки в поспешно вытащенных из сундуков зимних комбинезонах, пахнущих кедром, носились друг за другом по деревенскому лугу и падали в мягкий снег. Обстреливали снежками всех, кто появлялся в поле их зрения. Лепили снеговика. Они визжали, кричали, смеялись.

Гамаш прошел в кабинет и следующий час провел в разысканиях. И когда Рейн-Мари вернулась из бистро, он встретил ее с большим стаканом скотча и новостью.

Ему нужно попасть на Гаспé.

– На Гаспе? – переспросила она, чтобы убедиться, что услышала правильно.

Меньше всего ожидала она этого. В ванную. В магазин. Ну, в Монреаль на встречу с кем-нибудь. Но на полуостров Гаспе? В сотнях миль отсюда, там, где край Квебека омывается соленой водой.

– Ты хочешь его увидеть?

Гамаш кивнул, и Рейн-Мари сказала:

– Тогда я еду с тобой.

Он вернулся в свой кабинет. Глядя в окно, он наблюдал за тем, как выбившиеся из сил дети один за другим падали на спину в снег и двигали руками и ногами вверх-вниз, делая ангелов.

Потом они встали и поплелись домой, поеживаясь, когда тающий снег проникал им за шиворот тонкой холодной струйкой. Он налип на варежки, на шапочки с помпонами. Лица у них раскраснелись, носы рассопливились.

Их ангелы остались лежать на снегу.

А Арман в своем кабинете, глубоко вздохнув, дрожащей рукой изменил точку на ярлычке папки Амелии. С красной на зеленую.

Глава вторая

Мишель Бребёф издали увидел машину, приближающуюся по горной дороге. Поначалу он смотрел на нее в телескоп, а потом – невооруженным глазом. Ничто не закрывало ему обзор. Ни деревья, ни дома.

Ветер сорвал с земли все, оставил только ее суть. Немного жесткой травы и скальную породу. Словно шлифованный драгоценный камень. Даже летом здесь было небогато на туристов и временных жителей, которые приезжали полюбоваться суровой красотой этих мест и уезжали до первого снега. И лишь немногие ценители северного величия Гаспе проводили здесь всю оставшуюся часть года.

Они цеплялись за полуостров, потому что не хотели уезжать или им было некуда ехать.

Мишель Бребёф принадлежал к последним.

Машина сбросила скорость, а затем, к его удивлению, остановилась у начала подъездной дорожки к его дому, вырвав на мягкую обочину провинциального шоссе.

Да, от его дома открывался особенно захватывающий вид на утес Персё в заливе, но для фотографирования можно было выбрать места и получше.

Бребёф схватил с подоконника бинокль и навел на машину. Она была взята напрокат, о чем говорили номера. В машине сидели двое. Мужчина и женщина. Белые. Средних лет, вероятно за пятьдесят.

Состоятельные, но не выставяющие это напоказ.

Он не видел их лиц, но быстро, интуитивно сделал эти выводы по выбору машины и одежды.

Мужчина, сидящий за рулем, повернулся и сказал что-то женщине рядом с ним.

И Мишель Бребёф медленно опустил бинокль и уставился на море.

Снег, выпавший в Центральном Квебеке, днем ранее пришел на полуостров Гаспе в виде сильного дождя. Такого обильного, какие часто бывают на побережье в ноябре. Если бы можно было как-то воплотить печаль, то она бы выглядела как ноябрьский шторм.

Но потом шторм прошел, как проходит и печаль, и наступил новый день, почти невероятно ясный и яркий, с небом идеальной голубизны. Только океан продолжал держаться за бедствие. Он вскипал и бился о прибрежные камни. Над заливом возвышался одинокий и величественный утес Персе, и Атлантический океан обрушивался на него.

Когда Бребёф снова взглянул на машину, она уже повернула на подъездную дорожку и почти подъехала к дому. У него на глазах пассажиры вышли и остановились. Мужчина стоял спиной к дому и смотрел на море. На громадный утес с громадной дырой, пробитой в нем волнами.

Женщина подошла к мужчине, взяла его за руку, и они вместе преодолели последние несколько ярдов до дома. Медленно. По-видимому, не желая встречаться с его хозяином, так же как он не желал встречаться с ними.

Сердце Бребёфа сильно колотилось, и он подумал, что упадет мертвым еще до того, как пара поднимется на крыльцо.

Он надеялся, что так и случится.

Его глаза, поднатеревшие в подобных делах, скользнули к рукам Армана. Никакого оружия. Потом к его куртке. Что это за выпуклость возле плеча? Но Гамаш явно приехал не для того, чтобы убивать Бребёфа. Если бы он хотел убить, то сделал бы это давным-давно. И не взял бы с собой Рейн-Мари.

Это было бы секретное убийство. Именно такое, какого Мишель втайне ожидал несколько лет.

Чего он не ожидал, так это визита.

* * *

Убедившись, что кровь не прольется, Рейн-Мари вошла внутрь, оставив закутанных в свитера и куртки Армана и Мишеля сидеть на крыльце на кедровых стульях, посеребрённых временем и непогодой. Как и они сами.

– Почему ты здесь, Арман?

– Я ушел из полиции.

– Oui, я слышал.

Бребёф посмотрел на человека, который когда-то был его лучшим другом, шафером на его свадьбе, его доверенным лицом, коллегой и ценным сотрудником. Он верил Арману, и Арман верил ему.

Мишель мог доверять Арману. Арман Мишелю – нет.

Взгляд Армана был направлен на огромный утес в отдалении. Безжалостное море, тысячелетиями бившееся о его стену, выдолбило в нем отверстие, превратив его в каменный нимб. Его сердце исчезло.

Наконец Арман повернулся к Мишелю Бребёфу, крестному отцу его дочери. Как и он сам был крестным отцом первенца Мишеля.

Сколько раз сидели они, два инспектора, друг подле друга и обсуждали очередное дело? А потом друг против друга, когда звезда Мишеля взошла, а Армана – закатилась? Босс и подчиненный на работе, но по-прежнему лучшие друзья вне службы.

До определенного времени.

– По дороге сюда я все время думал, – заговорил Арман.

– О том, что случилось?

– Нет. О Великой Китайской стене.

Мишель рассмеялся. Смех был непроизвольный и искренний, и на те несколько секунд, пока длился этот смех, все плохое забылось.

Но наконец смех стих, и Мишель опять спросил себя, не приехал ли Арман, чтобы убить его.

– О Великой Китайской стене? Вот как?

Мишель пытался говорить безразличным тоном, даже раздраженным. Очередная интеллектуальная чушь от Гамаша. Но если по правде, Бребёфу всегда было любопытно, когда Арман говорил какие-то вещи, не имеющие отношения к делу.

– Мм, – промычал Арман. Морщинки вокруг его рта стали глубже. Признак слабой улыбки. – Возможно, я единственный в самолете думал об этом.

Черт его побери, если он спросит у Армана про Великую стену.

– Почему?

– Видишь ли, ее строили несколько веков, – сказал Арман. – Начали около двухсот лет до нашей эры. Это почти невероятное достижение. Через горы и ущелья, на протяжении тысяч миль. И это не просто стена. Они не просто возвели ее. Они приложили усилия, чтобы сделать ее не только крепостным сооружением, но и архитектурным шедевром. Долгие века стена охраняла Китай. Враги не могли ее преодолеть. Совершенно удивительное достижение.

– Да, я знаю.

– Однако в шестнадцатом веке, через полторы тысячи лет после ее возведения, маньчжуры все-таки прорвались через Великую стену. Знаешь, как они это сделали?

– Наверное, ты сейчас мне скажешь.

Но интонация усталости и скуки ушла, и сам Мишель слышал любопытство в своем голосе. Не то чтобы он хотел узнать о Великой Китайской стене, размышлениям о которой он за всю жизнь не посвятил и секунды. Просто ему стало интересно, почему об этом думает Арман.

– Миллионы жизней были погублены на строительстве и на защите стены. Целые династии обанкротились, потому что им не хватало денег, чтобы строить и обслуживать стену, – сказал Гамаш, глядя на море и чувствуя на своем лице свежий соленый воздух. – Спустя более тысячи лет, – продолжил он, – враг все же прорвался через нее. Не потому, что обладал подавляющей огневой мощью. Не потому, что маньчжуры умели сражаться лучше или имели лучших полководцев. Не умели и не имели. Маньчжуры прорвались через стену и захватили Пекин, потому что кто-то открыл им ворота. Изнутри. Все очень просто. Один генерал, предатель, впустил их, и империя пала.

Весь свежий воздух в мире окружал их, но Мишель Бребёф не мог дышать. Слова Армана, их смысл закупорили все кровотоки.

Арман сидел и с бесконечным терпением ждал. Ждал, пока Мишель придет в себя либо потеряет сознание. Он не хотел причинять боль своему прежнему другу, по крайней мере в этот момент, но и помогать ему тоже не хотел.

Несколько минут спустя Мишель обрел голос:

– «И враги человеку – домашние его»⁵, да, Арман?

– Не думаю, что маньчжуры цитировали Библию, но предательство, похоже, универсально.

– Ты проделал весь этот неблизкий путь, чтобы посмеяться надо мной?

– Non.

– Тогда чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты вернулся и работал у меня.

Его слова были настолько нелепы, что Бребёф даже не понял их. Он уставился на Гамаша с нескрываемым недоумением.

– Что? Где? – спросил наконец Бребёф.

Хотя оба знали, что по-настоящему надо бы спросить «почему?».

– Я только что вступил в должность начальника Полицейской академии, – сказал Арман. – Новый семестр начинается после Рождества. Я хочу, чтобы ты занял должность одного из профессоров⁶.

Бребёф продолжать смотреть на Армана. Пытался осознать услышанное.

Это было не обычное предложение работы. И вряд ли предложение мира. После той войны, после нанесенного ущерба это было невозможно. Пока.

Нет, тут было что-то другое.

– Почему?

Но Арман не ответил. Он просто взглянул Бребёфу прямо в глаза и смотрел, пока тот не отвел их. И тогда Гамаш снова устремил взгляд вдаль. В сторону бескрайнего океана и огромной, просверленной океаном скалы.

– Ты хочешь сказать, что доверяешь мне? – спросил Мишель, обращаясь к профилю Армана.

– Нет, – ответил Арман.

– Не хочешь сказать или не доверяешь?

Арман повернулся и окинул Бребёфа взглядом, какого тот прежде никогда не видел. В этом взгляде не было ненависти. Во всяком случае, через край. Не было презрения. Ну почти не было.

Знание – вот что читалось в этом взгляде. Гамаш видел Бребёфа насквозь.

Слабый человек. Человек с Персе. Опустошенный временем и разоблачением. Усталый и исковерканный. Выпотрошенный.

⁵ Мф. 10: 36.

⁶ В американско-канадской традиции профессором называют любого преподавателя в университете или колледже.

– Ты открыл ворота, Мишель. Ты мог бы остановить это, но не остановил. Когда порча постучала в дверь, ты впустил ее. Ты предал всех, кто верил тебе. Ты превратил Квебекскую полицию из мощной и храброй силы в выгребную яму, и потребовалось много жизней и много лет, чтобы ее очистить.

– Тогда почему же ты приглашаешь меня назад?

Арман встал, и Бребёф поднялся вместе с ним.

– Великая стена не имела структурных слабостей, она пала, когда слабость проявил человек, – сказал Гамаш. – Сила или слабость в первую очередь в человеке. То же можно сказать и про Квебекскую полицию. И начинается все с академии.

Бребёф кивнул:

– D'accord⁷. Согласен. Но тогда это вызывает еще большее недоумение: почему я? Ты не боишься, что я могу их заразить?

Он внимательно взглянул на Гамаша и улыбнулся:

– Или зараза уже проникла туда, Арман? В этом все дело, да? Ты пришел ко мне, чтобы найти антидот? Вот для чего я тебе нужен? Я – антивирус. Более сильная инфекция направляется для лечения болезни. Ты затеял опасную игру, Арман.

Гамаш посмотрел на него твердым, оценивающим взглядом и пошел в дом забирать Рейн-Мари.

Мишель проводил их до машины. Проследил за тем, как они тронулись с места. Их путь лежал в аэропорт, а оттуда на самолете домой.

Он вернулся в дом. Один. Ни жены. Ни детей. Ни внуков. Только великолепный вид на море.

Гамаш из иллюминатора смотрел на поля, на леса, на снег и озера и думал о том, что сделал.

Мишель, конечно, был прав. Арман затеял опасное дело, и это не было игрой.

Что случится, спрашивал он себя, если он не сможет контролировать процесс и антибиотик окажется заразным?

Какого зверя он сейчас выпустил из клетки? Какие ворота отворил?

Из аэропорта Гамаш поехал не домой в Три Сосны, а в управление Квебекской полиции. Но сначала завез Рейн-Мари к дочери. Анни была на пятом месяце беременности, и это уже становилось заметно.

– Ты зайдешь, папа? – спросила она, стоя в дверях. – Жан Ги скоро вернется.

– Заеду позднее, – пообещал он, целуя ее в обе щеки.

– Не спеши, – сказала Рейн-Мари и закрыла дверь.

В управлении Арман нажал верхнюю кнопку лифта и вскоре оказался в кабинете старшего суперинтенданта.

Тереза Брюнель сидела за столом. Позади нее, за стеклянной стеной офиса, уходили вдаль огни Монреаля. Гамаш видел три моста и фары машин, заполненных людьми, спешащими домой. Вид был внушительный, и личность за столом тоже внушительная.

– Арман, – сказала Тереза, вставая, чтобы поприветствовать старого друга объятиями. – Спасибо, что зашли.

Старший суперинтенданта Брюнель указала на зону отдыха, и они уселись в кресла. Невысокая изящная женщина, чей возраст приближался к семидесяти, Тереза Брюнель пришла в полицию довольно поздно, но сразу же проявила себя умелым полицейским, словно родилась для расследования преступлений.

⁷ Хорошо (фр.).

Она быстро поднималась по карьерной лестнице, обогнав своего учителя и коллегу старшего инспектора Гамаша. Дальше ей расти было уже некуда.

Ее кабинет отделали заново в мягких пастельных тонах, после того как прежний старший суперинтендант был... что? Слово «заменен» не вполне описывало случившееся.

Хотя она и стала начальником Гамаша, они оба знали, что ее назначение – вопрос политический и выбор делался не на основе компетентности кандидатов. Тем не менее она получила звание и уверенно командовала полицией.

Арман протянул Терезе свои папки с досье и наблюдал за ней, пока она читала. Он поднялся, налил им обоим лимонада, подал ей стакан, а со своим отошел к стеклянной стене.

Этот вид всегда трогал его, так сильно любил он Квебек.

– Бюджет придется выделять огромный, Арман, – сказала наконец Тереза.

Гамаш повернулся и увидел, что выражение лица у нее серьезное, даже суровое, но не скептическое. Она просто констатировала факт.

– Oui, – согласился он и, когда она снова погрузилась в документы, принял прежнюю позу – лицом к стеклянной стене.

– Я гляжу, вы поменяли некоторых студентов, – заметила старший суперинтендант. – Меня это не удивляет. Проблемы будут с преподавательским составом. Вы заменили чуть ли не половину.

Гамаш вернулся в свое кресло и поставил почти не тронутый стакан на подставку.

– Как можно осуществлять серьезные перемены, если те же люди останутся на своих местах?

– Я не возражаю и не спорю с вами, но вы готовы к ответному удару? Они потеряют пенсии, страховки. Будут чувствовать себя униженными.

– Но не мною. Они сами сделали это с собой. Захотят обратиться в суд – у меня есть доказательства.

Он совсем не выглядел озабоченным. Однако победителем себя тоже не чувствовал. Та трагедия не могла закончиться без пагубных последствий.

– Вряд ли они подадут в суд, – сказала Тереза, кладя последнее досье в стопку. – Но без сопротивления не уйдут. Просто сопротивление не будет ни публичным, ни судебным.

– Посмотрим, – сказал Арман, откидываясь на спинку кресла.

На лице его застыло мрачное и решительное выражение.

Тереза взялась за последнюю стопку папок. Досье тех мужчин и женщин, которых Гамаш собирался пригласить в академию вместо уволенных преподавателей.

Он не был обязан показывать Терезе эти дела. Академия не подчинялась старшему суперинтенданту Брюнелю. Академия и полиция были двумя разными организациями, теоретически соединенными общей верой в необходимость «Службы, честности, справедливости» – таков девиз Квебекской полиции.

Однако прежний глава академии руководил ею лишь номинально. Реальность же состояла в том, что он сначала склонился, потом согнулся и наконец полностью подчинился требованиям прежнего главы полиции, который управлял академией как собственной тренировочной площадкой для подготовки кадров.

Но старший суперинтендант Франкёр больше не возглавлял Квебекскую полицию. Больше не служил в полиции. Он вообще покинул этот мир. Гамаш был тому свидетелем.

И теперь расчищал завалы, оставленные Франкёром.

Первый шаг состоял в обретении самостоятельности, но также и в налаживании сотрудничества со своим коллегой в полиции.

Коммандер Гамаш наблюдал за старшим суперинтендантом Брюнелем, которая просматривала папки с предполагаемыми кандидатами в преподаватели, время от времени делая

пометки или отпуская замечания себе под нос. Пока не добралась до последнего досье. Она уставилась на папку, потом, не открывая ее, пристально взглянула на Гамаша:

– Это шутка?

– Нет.

Она опустила глаза на папку, но не прикоснулась к ней. Достаточно было увидеть имя. «Мишель Бребёф».

Когда она снова подняла глаза, ее лицо выражало гнев, граничащий с яростью.

– Это безумие, Арман.

Глава третья

Серж Ледюк ждал.

Он был готов. Все утро его айфон позванивал, извещая о новых посланиях от коллег, других преподавателей академии, спешивших проинформировать его, что новый командер собирается посетить их.

В восемь утра они пришли к выводу, что это будет визит вежливости. Арман Гамаш обойдет всех, чтобы представиться и, возможно, спросить их мнения и совета.

К девяти часам появились некоторые сомнения, тексты посланий стали более настороженными.

К одиннадцати часам поток почти оскудел – все меньше и меньше входящих сообщений поступало профессору Ледюку. Да и те, что приходили, были короткими.

«Есть какие-нибудь известия от Ролана?»

«Кто-нибудь знает хоть что-нибудь?»

«Я слышу, как он идет по коридору».

И наконец к полудню айфон Ледюка замолчал.

Ледюк сидел в своем большом кабинете и смотрел на книги, стоящие на стеллажах вдоль стен. Книги по оружию. Тома федеральных и провинциальных законов. Тома общего права и Кодекса Наполеона. Здесь были описания расследованных дел и учебники. Пространство стены, не занятое книгами, было отведено под разные цитаты и старые офорты с изображением частей мушкета.

Этот невысокий человек лет сорока пяти, все еще крепкого телосложения, был переведен в академию после того, как его поймали с наркотиками, похищенными из сейфа для хранения вещдоков.

Ледюк лелеял смутные подозрения, что все это подстроил старший суперинтендант Франкёр. Дело не в том, что Ледюк был невиновен. Он много лет таскал понемногу наркотики из горы конфискованного зелья и продавал украденное преступным синдикатам. Подозрительным ему показалось то, что его поймали именно в тот момент, когда в академии открылись две вакансии.

Франкёр предоставил инспектору Ледюку возможность выбора. Стать вторым человеком в академии или быть уволенным.

Будучи прагматиком, Серж Ледюк отлично ориентировался в реальной политике Квебекской полиции. Если старший суперинтендант чего-то хотел, это сбывалось. Бессмысленно и вредно было точить на него зуб или бороться с неизбежным. В особенности в лице Сильвена Франкёра. Сам Ледюк достаточно долго проработал в полиции и прекрасно понимал, что означает быть уволенным Франкёром.

Это случилось почти десять лет назад, и с его переводом в академию началась новая эра. Хотя и непохожая на эпоху Просвещения.

Выполняя приказы Франкёра, Серж Ледюк переформировал академию. Он находил и отбирал студентов. Изменял программы. Наставлял, воспитывал и отчитывал молодых мужчин и женщин, делая из них то, что требовалось Франкёру. А требовались ему подобия Сержа Ледюка.

Любой кадет, сопротивлявшийся происходящему или хотя бы заподозренный в сомнениях, подвергался специальной обработке, которая гарантировала формирование правильных представлений.

Номинальный глава академии слабо пытался протестовать, но это было все равно что идти против течения. Реальной властью он не обладал. Командер был фигурой впечатляющей, динозавром, его держали ради того, чтобы успокоить взволнованных матерей и отцов,

которые естественным образом, хотя и ошибочно, полагали, что их детям в первую очередь угрожает физическая опасность.

Коммандер внушал доверие своими седыми волосами и прямой спиной, своей парадной формой в первый день учебы, когда улыбался новым, жаждущим знаний кадетам, и в день выпуска, когда они улыбались ему – самодовольно, чуть ли не подмигивая. Все остальное время он прятался у себя в кабинете, боялся отвечать на телефонные звонки, боялся стука в дверь, боялся ночей и боялся рассветов.

Теперь его не было. Старшего суперинтенданта Франкёра тоже не было. «Спеклись», так сказать, и двусмысленность этого слова не ускользнула от Ледюка.

В данный момент профессор Ледюк ждал стука в дверь.

Он не волновался. Он был Герцогом⁸. И все здесь принадлежало ему.

Арман Гамаш шел по длинному коридору. Старое здание академии, где за несколько лет до этого он преподавал, было снесено, и теперь академия размещалась в новом сооружении из стекла, бетона и стали на Южном берегу Монреаля⁹.

Хотя Гамаш ценил традиции и уважал историю, он не оплакивал потерю прежней академии. Это был всего лишь кирпич и цемент. Значение имело не то, как выглядело здание, а то, что происходило внутри.

За Гамашем шли два агента полиции, специально отобранные для данного случая и предоставленные в его распоряжение Терезой Брюнель.

Он остановился у двери. Последней в его списке. И без колебаний постучал.

Ледюк услышал стук в дверь и неожиданно для себя легонько вздрогнул. В глубине души он до последнего надеялся, что никакого стука не будет.

Тем не менее он не беспокоился.

Он встал, повернулся к двери спиной, сложил руки на широкой груди и уставился в огромное, от пола до потолка, окно, выходящее на спортивную площадку, покрытую нетронутым снегом.

Гамаш ждал.

Он слышал, что агенты у него за спиной начинают переступать с ноги на ногу, проявлять нетерпение. Он почти видел, как они переглядываются, хмурятся.

Но он продолжал ждать, сцепив большие руки за спиной. Нет нужды стучать еще раз. Человек внутри услышал стук и начал свою игру. Но то была игра с одним участником.

Гамаш не собирался ему подыгрывать. Вместо этого он думал о том, как наилучшим образом воплотить в жизнь свои планы.

Серж Ледюк не был проблемой. Он не был даже препятствием. Напротив, он был частью плана.

Ледюк смотрел в окно и ждал следующего стука. Резкого удара. Нетерпеливого барабанного боя. Однако ничего не услышал.

Неужели Гамаш ушел?

Сильвен Франкёр всегда говорил, что старший инспектор Гамаш – слабак, прячущий свою слабость за обманчивым обликом мудреца.

⁸ Прозвище образовано от усеченной фамилии этого персонажа. Duke означает «герцог».

⁹ *Южный берег* – название района в Большом Монреале на южном берегу реки Святого Лаврентия, напротив острова Монреаль.

«Его истинный талант состоит в умении морочить голову другим, убеждая их в том, что он талантлив, – не раз говорил прежний глава Квебекской полиции. – Арман Гамаш, образец целостности и мужества. Какая чушь! Думаешь, почему он меня ненавидит? Потому что я знаю его истинную цену».

К тому времени, когда начинались такие разговоры, Франкёр уже успевал принять несколько порций виски и становился болтливым и более агрессивным, чем обычно. Большинство его подчиненных знали об этом и находили предлог, чтобы убраться подальше, после того как он осушал третью порцию. Но Серж Ледюк оставался, возбужденный этой игрой, к тому же ему просто некуда было идти.

Навалившись на стол, Франкёр смотрел мимо бутылки виски «Баллантайнс» на тех, кто еще не успел уйти. Его лицо наливалось кровью и яростью.

«Он трус. Слабак, слабак, слабак. Нанимает к себе всякие отбросы. Агентов, которые никому больше не нужны. Тех, кто получше, выкидывает. Гамаш подбирает мусор. И знаешь почему?»

Ледюк знал почему. Он уже слышал эту историю. Но если знакомые слова звучали в воздухе, отравленном запахом виски и злобы, это еще не означало, что они неверны.

«Потому что он не любит конкуренцию. Он окружает себя лизоблюдами и лузерами, чтобы выглядеть получше на их фоне. Он ненавидит оружие. Боится его. Трус долбаный. Стольким людям заморочил голову. Но не мне».

Франкёр встряхивал головой, и его рука тянулась к пистолету в кобуре на поясе. К тому пистолету, из которого Арман Гамаш и убьет его, когда настанет день.

«У нас не полиция неженков, – любил говорить Франкёр на собраниях, когда недавние кадеты академии получали статус агента и заполняли коридоры управления, словно вода из пробитого корыта. – У нас не полиция добрячков. У нас полиция сильных людей. Не зря мы называемся силовой структурой. Мы используем силу. Мы и есть сила. С которой все должны считаться».

Это всегда вызывало аплодисменты выпускников и легкое беспокойство у родственников, собравшихся в аудитории.

Старшего суперинтенданта Франкёра это мало волновало. Его слова предназначались не для родителей и дедушек с бабушками.

Во время периода обучения Франкёр раз в месяц навещался в академию и оставался на ночь в роскошных покоях, отведенных специально для него. После обеда он приглашал нескольких избранных выпить с ним в большой гостиной, выходящей на огромную спортивную площадку. Он потчевал кадетов, жадно ловивших каждое его слово, страшными историями о великих опасностях, о чреватых смертью расследованиях, ловко приправляя их курьезными анекдотами о смешных преступниках и нелепых ошибках.

А потом, решив, что время пришло, Франкёр вкладывал в свои истории тот смысл, ради которого он их и рассказывал. Квебекская полиция должна не охранять население, а охраняться от него. Граждане – их враг.

Кадеты могут доверять только своим коллегам в полиции. Однако и тут им следует быть настороже. Кое-кто из полицейских лелеет намерение разрушить полицию изнутри.

Серж Ледюк смотрел на молодые лица и широко раскрытые глаза и видел, как они меняются по прошествии нескольких месяцев, нескольких лет. И он восхищался искусством старшего суперинтенданта, который столь умело создавал таких маленьких монстров.

Старший суперинтендент Франкёр ушел в мир иной, но его наследство осталось в плоти и крови, в стекле и стали. В холодных, жестких поверхностях и острых кромках здания академии и в агентах, которых он сотворил.

Сама новая академия казалась простой, даже классической. Она выросла на земле, отчужденной у округа Сен-Альфонс, поскольку потребности полиции имели приоритет перед потребностями граждан.

Академия была спроектирована как четырехугольник, в середине располагалась спортивная площадка, со всех сторон окруженная ярко освещенными стенами. Проникнуть туда можно было через единственные ворота.

Внешне все это имело вид прозрачности, но в то же время и неприступности. Наподобие феодального владения.

Серж Ледюк смотрел на четырехугольник стен. Он подозревал, что сегодня его последний день в этом кабинете. Его последний взгляд на спортивную площадку.

Стук в дверь подтвердил это.

Но он не уйдет отсюда покорно. Если новый командер считает, что может войти и занять его территорию без борьбы, то он не просто слабак, но еще и глупец. А глупцы получают то, что заслуживают.

Поправив кобуру на ремне и надев пиджак, Ледюк подошел к двери и открыл ее. И оказался лицом к лицу с Арманом Гамашем. Ледюк инстинктивно откинул назад голову.

– Чем могу служить?

Он никогда не разговаривал с Гамашем, хотя часто видел его издалека и в выпусках новостей. И теперь Ледюка удивила массивность его фигуры, хотя, в отличие от Франкёра, Гамаш не изучал силу.

Однако было в нем что-то необычное. Может быть, шрам на виске. Он создавал впечатление мужественности, но на самом деле означал лишь то, что Гамаш неповоротлив и в момент опасности не успел увернуться.

– Арман Гамаш, – сказал новый командер, протягивая руку и улыбаясь. – Есть минутка?

По почти незаметному сигналу два широкоплечих агента отступили к противоположной стене коридора, но сам Гамаш не шелохнулся, не пошел прямо на Ледюка и не предъявил права на его кабинет.

Он просто вежливо стоял в ожидании, когда его пригласят.

Ледюк чуть не улыбнулся. Так или иначе, все будет хорошо.

Вот он, новый командер, – ничем не лучше старого. Одни старые мощи заменяются на другие. В форме Гамаш еще производил бы впечатление. А так дунь на него – и он рухнет.

Но тут Серж Ледюк встретился с Гамашем глазами и в то же мгновение понял, что в действительности делает Гамаш.

Новый командер мог бы силой прорваться в кабинет Ледюка, особенно с помощью дюжих агентов. Однако действия Гамаша были гораздо более изощренными и коварными. И Серж Ледюк впервые спросил себя, не ошибался ли Франкёр в оценке этого человека.

Гамаш убил старшего суперинтенданта Франкёра из его же собственного пистолета. Совершил действие столь же окончательное, сколь и символическое.

И, глядя в эти спокойные, уверенные, умные глаза, Серж Ледюк понимал, что то же самое Гамаш теперь делает по отношению к нему. Не убивая его. Во всяком случае, физически. Арман Гамаш ждал, когда Ледюк пригласит его. Добровольно отойдет в сторону.

Силой можно взять все, что угодно, но немногие способны вынудить других сдаться без борьбы.

До сей минуты Арман Гамаш брал академию без боя. И это был последний рубеж обороны.

Профессор Ледюк шевельнул левой рукой, чтобы запястьем ощутить через пиджак рукоять пистолета. Одновременно он протянул Гамашу правую руку. Он держал Гамаша за руку и выдерживал его взгляд. И то и другое у нового командера было твердым и не выказывало гнева или вызова.

И в этом ощущалось гораздо больше угрозы, чем в любой открытой демонстрации силы.
– Входите, – сказал Ледюк. – Я вас ждал. Я знаю, почему вы здесь.

– Сомневаюсь, что это так, – произнес новый начальник академии и закрыл за собой дверь, оставив агентов полиции в коридоре.

Ледюк был сбит с толку, но сохранял уверенность. У Гамаша могли быть свои планы, свое обаяние, даже мужество в известной мере. Зато у Сержа Ледюка был пистолет. Никакое мужество не в состоянии остановить пулю.

Сержу Ледюку было по большому счету наплевать на академию. Но он не мог согласиться с тем, что кто-то забирает по праву принадлежащее ему, Ледюку. А этот кабинет и это учебное заведение принадлежали ему.

Ледюк показал на стул для посетителей, и Гамаш занял его, а Ледюк сел за стол. Он собирался заговорить первым. Его рука, невидимая под столом, переместилась к кобуре и вытащила пистолет.

Его арестуют. Предадут суду. Суд признает его виновным, потому что он будет виновен. Однако многие выпускники сочтут его мучеником. Уж лучше так, чем уходить потихоньку, как все остальные. К тому же идти ему было некуда – только на улицу.

Но прежде чем Ледюк успел сказать хоть слово, Гамаш положил на стол картонную папку. Он задержал на нейруку, словно в последний миг решил еще поразмыслить над этим, потом без слов подтолкнул ее к профессору.

Ледюк невольно почувствовал любопытство. Положив пистолет на колени, он подтянул досье к себе и открыл. Первая страница была простой, ясной. С убийственной точностью на ней перечислялись его преступления.

Ледюк не удивился, увидев те из них, которые он совершил еще в Квебекской полиции. Новости столетней давности. Франкёр обещал уничтожить старые дела, но Ледюк ни на минуту не поверил ему. Однако он удивился, увидев новые. По академии. По отчуждению земли. По контрактам на строительство. По переговорам, о которых, предположительно, не знал никто.

Четко, кратко, легко читать и легко понимать. И Серж Ледюк понял.

Закрыв папку, он снова сунул руку под стол.

– Вы предсказуемы, месье, – сказал он. – Я этого ждал.

Гамаш кивнул, но не сказал ни слова. Его молчание выводило Ледюка из себя, хотя он и старался скрыть свои эмоции.

– Вы пришли, чтобы уволить меня.

И тогда Гамаш сделал кое-что совершенно неожиданное. Он улыбнулся. Не во весь рот. Не самодовольно. Но с некоторой веселостью.

– Я понимаю, почему вы ждали этого, – сказал он. – На самом деле я пришел, чтобы просить вас остаться.

Пистолет с грохотом упал на пол.

– Кажется, вы что-то уронили, – произнес Гамаш, вставая. – Вы, конечно, не будете моим заместителем, но вы продолжите работать в качестве штатного преподавателя и читать курс по предупреждению преступности и связям с общественностью. К концу недели я хочу получить от вас план лекций.

Еще долго после того, как в коридоре стихло эхо шагов командера Гамаша, Серж Ледюк сидел, не в состоянии двигаться или говорить.

И в тишине он понял, что излучал Гамаш. Не силу. Это была власть.

Глава четвертая

– Что вы нашли?

– Пошла в жопу, – сказала Рут и повернулась костлявой спиной, пряча то, что держала в руках. Потом она украдкой кинула взгляд через плечо. – А, это ты. Извини.

– А вы думали кто? – спросила Рейн-Мари, которую реакция Рут скорее развеселила, чем обидела.

Вот уже почти два месяца она по просьбе Оливье сидела рядом с Рут и просматривала бумаги, лежащие в ящике для одеял. Нередко приходили помочь и Клара с Мирной, хотя никто из них не обязан был это делать.

Четыре женщины сидели у камина, попивали кофе с молоком и виски, ели шоколадные булочки и изучали газеты, которые Оливье и Габри вытащили из стен двадцать лет назад во время ремонта.

Рейн-Мари и Рут с Розой, уткой Рут, сидели на диване, а Клара и Мирна – в креслах друг против друга.

Клара, работавшая над автопортретом, приходила отдохнуть от него, и Рейн-Мари порой задавалась вопросом, уж не стоит ли понимать слова Клары о том, что она пишет себя, в буквальном смысле. Каждый день художница появлялась с остатками пищи в волосах и мазками краски на лице. Сегодня это были ярко-оранжевые мазки и соус маринара.

Напротив Клары сидела ее лучшая подруга Мирна, владелица магазина старой и новой книги рядом с бистро. С трудом втиснувшись в большое кресло, она наслаждалась каждым прочитанным словом и каждым кусочком шоколадной булочки.

Сто лет назад, когда газеты были засунуты в стены в качестве изоляции от трескучих квебекских морозов, женщины деревни собирались вместе для шитья.

Современные женщины собирались для других целей. Для чтения.

По крайней мере, Клара, Мирна и Рейн-Мари читали. А вот чем занималась Рут, Рейн-Мари не имела понятия.

Весь предыдущий и нынешний день старая поэтесса провела над одной страницей. Игнорируя другие газеты. Игнорируя друзей. Игнорируя виски, поблескивающее в хрустальном стакане. Это вызывало тревогу.

– И все-таки что вы разглядываете? – не отставала Рейн-Мари.

Клара и Мирна отвлеклись от своих газет и уставились на Рут. Даже Роза вопросительно поглядывала на старуху. И хотя Рейн-Мари уже знала, что утки редко смотрят на что-либо, но все же...

Рейн-Мари погрузилась в неторопливую рутину: с утра разбирала архив местного исторического общества, а днем направлялась в бистро.

По выходным к ней присоединялся Арман, садился в одно из удобных кресел, попивал пиво и просматривал свои бумаги.

Хотя сосновый ящик для одеял немного напоминал сундук с сокровищами и уже явил на свет божий немало увлекательных вещей, ни одна из них ни в коей мере не была сокровищем, даже для архивиста, который умеет видеть золото там, где другие видят только изоляционный материал.

Когда Рут взялась за это дело, листья на деревьях были оранжевыми, красными, желтыми. Теперь уже минуло Рождество, и ветви деревьев гнулись под снегом. Снег толстым слоем лег на деревню, и от дома к дому можно было пройти только по дорожкам, прорытым Билли Уильямсом.

Стояло начало января. Мирное время года, когда еще остаются висеть праздничные огни и украшения, но праздничного ажиотажа уже не ощущается. Холодильники и морозильники

жителей были наполнены песочным печеньем, и фруктовыми пирогами, и кастрюльками с индейкой. Их собственная форма изоляции от зимы.

Сидя перед камином в бистро, переводя взгляд со снега за окном на пачки старых газет, Рейн-Мари чувствовала глубокое умиротворение и удовольствие, и лишь выражение лица Армана иногда портило ей настроение.

Его первый семестр в качестве командера подходил к концу. Она знала, что перемены, которые он предпринял, были спорными, даже революционными.

Вопреки всякой логике и советам, он сохранил одного из самых старых и порочных преподавателей – Сержа Ледюка. Он слетал в Гаспе и нашел там предателя Мишеля Бребёфа. Он произвел серьезные изменения в учебных курсах и просмотрел все поданные заявления на прием, изменив много точек с красной на зеленую и наоборот.

Он планировал разрешить допуск местных жителей на великолепную спортивную площадку новой академии, а также предложить кадетам и преподавателям добровольно работать в качестве тренеров и помощников. Навещать одиноких и читать для слепых. Как «Старшие Братья Старшие Сестры»¹⁰. Приносить еду, расчищать дорожки после снегопада. При необходимости поступать в распоряжение мэра Сен-Альфонса. Мэр и новый командер могли бы сотрудничать.

Мэр встретил его предложения с заметным отсутствием энтузиазма, граничащим с пренебрежением.

За несколько лет до этого округ с неподдельной радостью приветствовал появление Полицейской академии, а местная администрация помогла найти подходящий участок на окраине округа.

Мэр и совет Сен-Альфонса тесно сотрудничали с Сержем Ледюком. Вплоть до того момента, когда мэр получил извещение, что академия не согласна строить новое здание на окраине, что она изымает под свои нужды участок в центре. Серж Ледюк знал, что именно этот участок отведен под строительство рекреационного центра, которого с нетерпением ожидали местные жители.

Мэр не хотел в это верить.

Это было предательство, забыть которое нелегко, если вообще возможно. И мэр, человек неглупый, был решительно настроен не допустить, чтобы его еще раз обвели вокруг пальца.

Местные жители не хотели иметь ничего общего с академией, с этими вероломными обманщиками. Преподаватели не хотели иметь ничего общего с жителями, с этим тупым быдлом.

Здесь у них было полное согласие.

– Тем больше оснований протянуть им руку, как ты думаешь? – спросил Гамаш у Жана Ги Бовуара, в прошлом своего заместителя, а теперь зятя, сидя как-то вечером в доме Гамашей в Трех Соснах.

– Я думаю, вы сходите с проторенного пути, стараясь найти горы покруче, – ответил Бовуар, который читал книгу об одном из самых неудачных восхождений на Эверест.

Гамаш рассмеялся:

– Хотелось бы мне, чтобы это была гора. В горах, по крайней мере, есть что-то величественное. Когда поднимаешься на вершину, чувствуешь себя победителем. А Полицейская академия больше похожа на огромную выгребную яму, полную merde¹¹. И я туда свалился.

– Свалились, patron? Насколько я помню, вы туда прыгнули.

Гамаш снова рассмеялся и склонил голову над блокнотом.

¹⁰ «Старшие Братья Старшие Сестры» – международная программа наставничества.

¹¹ Дерьма (фр.).

Бовуар смотрел на него и ждал. Он ждал уже несколько месяцев, с того самого дня, когда Гамаш сообщил ему и Анни о своем решении занять пост руководителя академии.

Некоторых это намерение удивило, но Жану Ги, знавшему Гамаша лучше, чем кто бы то ни было, оно показалось идеальным. Таким же оно показалось и Анни, которая обрадовалась, что ее отец наконец будет в безопасности.

Жан Ги не стал говорить беременной жене, что академия давно превратилась в отстойник при Квебекской полиции. А ее отец погрузился в этот отстойник по самую шею.

Бовуар молча посидел какое-то время в кабинете, потом взял книгу про Эверест в гостиную и, усевшись перед веселым пламенем, пляшущим в камине, продолжил читать о восхождении, закончившемся катастрофой. О кислородном голодании, о лавинах, об огромных выступающих ледяных глыбах высотой с десятиэтажное здание, которые иногда падают без всякого предупреждения, сокрушая под собой людей и животных.

Жан Ги сидел в уютной гостиной, и его пробирала дрожь, когда он читал о телах, оставленных на горе там, где они упали. О людях, замерзших в тот момент, когда они ползли в поисках помощи или пытались еще на несколько дюймов приблизиться к вершине.

О чем они думали, эти превратившиеся в лед мужчины и женщины, в последние мгновения просветления?

Может быть, они думали: почему? Почему это показалось им хорошей идеей?

И он спросил себя, не задаст ли однажды такой же вопрос человек, сидящий в кабинете.

Инспектор Жан Ги Бовуар знал, что его высокогорная аналогия применительно к Гамашу неверна. Если ты погибаешь на склоне горы, то это эгоистичный, бессмысленный поступок. Проявление силы и эго, облаченное в браваду.

Нет, академия не походила на гору. Она была, как сказал Гамаш, выгребной ямой. Но с этим нужно было что-то делать. От академии зависело то, какой будет полиция. Если она останется ямой, полной *merde*, то такой же будет и полиция.

Старший инспектор Гамаш очистил полицию, но он понимал, что проделал лишь часть работы. Теперь командер Гамаш должен заняться академией.

Увольняя прежних преподавателей и нанимая новых, он до сих пор не назвал своего заместителя. Все предполагали, что он предложит этот пост Жану Ги, который тоже так считал и ждал этого. И продолжал ждать. И начинал задавать себе вопросы.

– Ты бы принял такое предложение? – спросила Анни как-то раз за завтраком.

Она никогда не была худышкой, а с беременностью совсем расцвела, если не сказать больше. Жана Ги волновало только одно: чтобы она и маленький были здоровы. Он пошел бы на убийство ради того, чтобы раздобыть для нее последний стаканчик ее любимого мороженого.

– Думаешь, мне следует? – откликнулся Жан Ги и увидел улыбку на ее лице.

– Ты шутишь? Отказаться от должности инспектора в отделе по расследованию убийств, одного из старших офицеров полиции – ради академии?

– Значит, ты считаешь, что мне следует сделать это?

Анни рассмеялась от всего сердца, как умела только она:

– Сомневаюсь, что слово «следует» когда-либо присутствовало в твоих мыслях. Я думаю, ты бы просто сделал это.

– С чего ты взяла?

– С того, что ты любишь моего отца.

Это было правдой.

Он последовал бы за Арманом Гамашем в ад, а в Квебеке не было ничего ближе к аду, чем Полицейская академия.

Рейн-Мари сидела в бистро и глядела в темноту, на три громадные сосны, видимые только потому, что на них висели рождественские гирлянды. Голубые, красные и зеленые огни, присыпанные свежим снегом, казалось, парили в воздухе сами по себе.

Было всего пять часов вечера, но с таким же успехом могла бы быть полночь.

В бистро начали собираться клиенты, чтобы встретиться с друзьями *cinq à sept*¹², в коктейльный час по окончании рабочего дня.

Арман не пришел сюда, он предпочел покой и тишину кабинета, поскольку приближался первый день нового семестра. Отведя глаза от украшенных деревьев, Рейн-Мари посмотрела на свой дом, на свет в окне кабинета.

Она испытала облегчение, узнав о решении мужа возглавить академию. Ей казалось, что это идеальная должность для человека, более склонного искать редкую книгу, чем убийцу. Но он тридцать лет занимался поиском убийц. И как ни странно, делал это весьма успешно. Он находил убийц всех видов и мастей. Тех, кто совершал умышленные убийства, и тех, кто вообще не был способен намышление, а убивал спонтанно. Все они забирали чужие жизни, и всех их находил ее муж, за очень редкими исключениями.

Да, Рейн-Мари обрадовалась, когда, рассмотрев все предложения и обсудив их с нею, Арман решил принять руководство Полицейской академией. Взять на себя задачу очистить ее от грязи, оставленной годами жестокости и коррупции.

Она радовалась до того момента, когда с удивлением обнаружила на его лице мрачное выражение.

И тогда в ее душу проник холодок. Не смертельный холод, но предупреждение о том, что впереди трудные времена.

– Ты уже целый день это разглядываешь, – сказала Мирна, вторгаясь в мысли Рейн-Мари и показывая на бумагу в руке Рут.

Старая поэтесса держала ее бережно, за края.

– Можно посмотреть? – спросила Рейн-Мари мягким голосом и протянула руку, словно приглашая потерявшуюся собаку в машину.

Будь в ее руке бутылка виски, Рут уже виляла бы хвостом на переднем сиденье.

Рут окинула всех взглядом, а потом отдала бумагу. Но не Рейн-Мари.

Кларе.

¹² Между пятью и семью (*фр.*).

Глава пятая

– Это карта, – сказал Арман, склоняясь над бумагой.

– И что же стало ключом к разгадке, мисс Марпл? – спросила Рут. – Эти линии? Они – то, что мы называем дорогами. А вот это, – она ткнула в бумагу корявым пальцем, – река.

Последние слова она произнесла медленно, с преувеличенным терпением.

Арман выпрямился и посмотрел на нее поверх очков, после чего снова погрузился в изучение бумаги, разложенной на столе под лампой.

В этот зимний вечер они собрались в доме Клары на буйабес со свежим багетом из пекарни Сары.

Клара и Габри в кухне добавляли последние ингредиенты в блюдо дня. Морские гребешки, креветки, мидии, розовые кусочки лосося. Мирна тем временем нарезала багет.

Тонкие ароматы чеснока и укропа витали в гостиной, смешиваясь с запахом дымка из камина. За стенами дома стоял хрустящий морозец, звездное небо окутали тучи, угрожая новым снегопадом.

Но в доме было тепло и покойно.

– Недоумок, – пробормотала Рут.

Вообще-то, несмотря на замечание Рут, вопрос о том, что представляет собой эта бумага, оставался дискуссионным.

На первый взгляд она ничуть не напоминала карту. Немного потертая и порванная, она была превосходно и замысловато иллюстрирована изображениями медведей, оленей, гусей, размещенных среди гор и лесов. В буйном смешении времен года весенняя сирень соседствовала с пышными пионами и кленом в роскошном осеннем убранстве. В верхнем правом углу стоял, победно подняв хоккейную клюшку, снеговик в вязаной шапочке с помпоном и в *ceinture fléchée*¹³ на округлой талии.

Вся картина производила впечатление безудержной радости. Глупости, которая каким-то образом умудрялась быть одновременно милой и очень трогательной.

Она не походила на примитивный рисунок деревенского художника, где больше энтузиазма, чем таланта. Она была создана человеком, вовсе не чуждым искусству, знакомым с работами мастеров, которым он искусно подражал. За исключением снеговика: этот образ, насколько было известно Гамашу, никогда не появлялся ни у Констебля, ни у Моне, ни даже у «Группы семи»¹⁴.

Да, требовалось некоторое время, чтобы увидеть за всем этим главное, самую суть.

Карту.

Со всеми контурными линиями и ориентирами. Три маленькие сосны, похожие на играющих детей, явно обозначали эту деревню. Тут были тропинки, каменные стены и даже скала Ларсена, названная так потому, что там однажды застряла корова Свена Ларсена и ее пришлось спасать.

Гамаш наклонился ниже. И увидел корову.

Он разглядел даже тоненькие, как паутинка, линии параллелей и меридианов. Создавалось впечатление, будто военная карта проглотила произведение искусства.

– Не замечаешь ничего странного? – спросила Рут.

– Замечаю, – сказал Гамаш, взглянув на старую поэтессу.

Она усмехнулась и уточнила:

– Я имею в виду карту. И спасибо за комплимент.

¹³ Широкий тканый пояс с орнаментом, традиционный предмет одежды квебекцев (*фр.*).

¹⁴ «Группа семи» – группа канадских художников, работавших в первой половине XX века.

Гамаш улыбнулся в ответ и вернулся к изучению документа.

Много слов напрашивалось для описания карты. Красивая. Детальная. Изящная и в то же время смелая. Необычная в своем переплетении практичности и искусства.

Но странная ли? Нет, он бы никогда не использовал такое слово. Однако он хорошо знал старую поэтессу. Даже бессмысленные слова она применяла со смыслом.

Если она сказала «странная», то именно это и имела в виду.

Впрочем, представление Рут о странности могло не совпадать с представлением других людей. Она считала странной воду. И овощи. И оплату счетов.

Гамаш нахмурился, обратив внимание, что торжествующий снеговик вроде бы куда-то показывает. Туда. Он склонился ниже. Туда.

– Тут пирамида. – Палец Армана завис над изображением.

– Да-да, – нетерпеливо произнесла Рут, словно пирамиды стояли повсюду. – Но странного ты ничего не замечаешь?

– Она не подписана, – сказал он и снова вгляделся в рисунок.

– Когда ты в последний раз видел подобную карту? – спросила Рут. – Напряги мозги, придурок.

Услышав ее ворчливый голос, Рейн-Мари посмотрела в ту сторону, поймала взгляд Армана и сочувственно улыбнулась, а потом вернулась к своему разговору.

Она обсуждала с Оливье сегодняшние находки в ящике для одеял. Стопка «Vogues» начала XX века.

– Захватывающее чтение, – сказала она.

– Я заметил.

Рейн-Мари давно интересовало, можно ли судить о человеке по тому, что висит у него на стенах. Картины, книги, украшения. Но до этого момента ей не приходило в голову, что о человеке можно судить по тому, что у него в стенах.

– Здесь явно жила женщина, интересовавшаяся модой, – сказала она.

– Либо женщина, – откликнулся Оливье, – либо гей.

Он бросил взгляд в кухню, где Габри, виляя бедрами, исполнял какой-то немыслимый танец с поварешкой.

– Вы думаете, это мог быть прадедушка Габри? – спросила Рейн-Мари.

– Если возможно родиться от длинной череды геев, то Габри это удалось, – сказал Оливье, и Рейн-Мари рассмеялась.

– Ну а что скажете о находке номер один?

Они посмотрели туда, где сидели Арман и Рут.

– Эта карта, – задумчиво произнес Оливье. – Какие-то пометы на ней. Может быть, потеки от воды. И грязь, что вполне ожидаемо. Однако пребывание в стене помогло ей сохраниться. Солнце на нее не воздействовало. Краски не выцвели. Она такая же старая, как и все остальное в ящике. То есть ей лет сто. Она чего-то стоит, как по-вашему?

– Я всего лишь архивист. Антиквариатом торгуете вы.

Он отрицательно покачал головой:

– Сомневаюсь, чтобы кто-то дал за эту карту больше нескольких долларов. Она забавная, и рука художника чувствуется, но главное здесь – эти нововведения. Чье-то представление о шутке. И к тому же она слишком узкого назначения, чтобы интересовать кого-то, кроме нас.

Рейн-Мари согласилась. От рисунка веяло очарованием, но часть этого очарования состояла в наивности. Корова? Пирамида, бог ты мой! И три живые сосны.

Прозвучало приглашение к трапезе, если крик Габри «Скорее, умираю с голоду!» мог сойти за приглашение. Во всяком случае, новостью это не было.

За поеданием морских гребешков, креветок, мидий, розовых кусочков сочного лосося говорили о «Монреаль Канадиенс», об их победном сезоне, о внутренней политике, о незапланированном выводе щенков у золотистого ретривера мадам Лего.

– Я подумываю, не взять ли одного, – сказала Клара, макая в буйабес кусочек поджаренного багета, пропитанного соусом айоли с шафраном. – Я тоскую по Люси. Было бы неплохо иметь рядом живое существо.

Она взглянула на Анри, свернувшегося в углу. На Розу, забывшую о своей неприязни к псу и ради тепла притулившуюся к его животу.

– Как продвигаются дела с портретом? – спросила Рейн-Мари.

Кларе удалось соскрести с лица каплю схватившейся масляной краски, зато ее руки почти неизменно напоминали палитру красочных точек. Как будто Клара хотела попробовать себя в технике пуантилизма.

– Приходи посмотреть, – ответила она. – Только я хочу, чтобы ты повторяла за мной: «Превосходно, Клара».

Все рассмеялись, но под пристальным взглядом Клары проговорили в один голос:

– Превосходно, Клара.

Не участвовала в общем хоре одна лишь Рут, которая пробормотала себе под нос:

– Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно.

– Годится, – рассмеялась Клара. – Если не превосходно, то меня устроит и ОТЛИЧНО. Но должна признать, что мое внимание отвлек этот чертов ящик для одеял. Он мне даже ночами снится.

– А что-нибудь ценное вы в нем нашли? – спросил Габри. – Папочке нужна новая машина, и я намерен превратить старый сосновый ящик в «порше».

– «Порше»? – переспросила Мирна. – Если ты в него и сядешь, то уже не вылезешь. Ты станешь похож на Фреда Флинтстоуна¹⁵.

– Фред Флинтстоун, – сказал Арман. – Это тот, кого...

Но, поймав предостерегающий взгляд Оливье, он остановился на полуслове.

– Багет? – Арман протянул Габри корзиночку с хлебом.

– А что насчет этой карты? – спросил Габри. – Она вас всех заинтересовала. Она ведь должна чего-то стоить. Дайте-ка мне ее.

Он вскочил, вернулся с бумагой и разгладил ее на сосновом столе.

– Вижу ее в первый раз, – сказал он. – Но это что-то.

Но что – вот в чем был вопрос.

– Карта и одновременно произведение искусства, – заметила Клара. – Это не может увеличить ее стоимость?

– Проблема в том, что она и то и другое и в то же время ни то ни другое, – сказал Оливье. – Но главная проблема в том, что коллекционеры карт предпочитают карты определенного района, часто того, где они живут. Или района, который имеет историческое значение. А здесь – маленький уголок Квебека. И вовсе не исторический. Одни деревни и дома, да еще этот дурацкий снеговик. Нам она кажется очаровательной, потому что мы тут живем. Однако для всех остальных – так, диковинка.

– Я беру ее у тебя за пятьдесят, – неожиданно произнесла Рут.

Все удивленно посмотрели на нее. Сколько они ее помнили, Рут никогда ни за что не платила.

– Пятьдесят чего? – хором спросили Мирна и Оливье.

– Долларов, идиоты.

¹⁵ Фред Флинтстоун – персонаж мультипликационного сериала «Флинтстоуны».

– Если она что-то и покупала за последние сто лет, то лакричные трубочки, – заметила Мирна.

– Украденные в бистро, – добавил Оливье.

– Зачем она вам? – спросила Рейн-Мари.

– Неужели никто не понимает? – удивилась Рут. – Неужели никто из вас не видит? Даже ты, Клузо?¹⁶

– Для вас я мисс Марпл, – откликнулся Арман. – И знаете что? Я вижу красивую карту, но я понимаю то, что говорит Оливье. Мы, вероятно, единственные, кто может ее оценить.

– А знаете почему? – потребовала ответа Рут.

– Почему? – поинтересовалась Мирна.

– А ты сообрази, – отрезала Рут. Потом внимательно посмотрела на Мирну. – Ты кто? Мы знакомы? – Она повернулась к Кларе и громко прошептала: – Разве она не посуду должна мыть?

– Потому что черная женщина – всегда горничная? – спросила Клара.

– Ш-ш-ш, – прошептала Рут. – Ты не должна ее оскорблять.

– Это я ее оскорбляю? И кстати, быть черной женщиной вовсе не оскорбление.

– Откуда ты это знаешь? – Рут снова обратилась к Мирне: – Все в порядке, я тебя нанимаю, если миссис Морроу отпустит. Ты любишь лакричные трубочки?

– Эй, ты, старая маразматичка! – возмутилась Мирна. – Я твоя соседка. Мы сто лет знакомы. Ты каждый день приходишь в мой книжный магазин. Берешь книги и никогда не платишь.

– И кто из нас маразматичка? – усмехнулась Рут. – Там не магазин, а библиотека. Так и написано на дверях. – Она прошептала Кларе: – Наверное, эта женщина не умеет читать. Лучше научи ее, или будем и дальше напрашиваться на неприятности?

– Там написано «librairie», – сказала Мирна с французским произношением. – По-французски – «книжный магазин». И ты это прекрасно знаешь. Твой французский идеален.

– Не нужно меня обижать.

– Почему тебя обижает, когда я говорю, что твой французский идеален?

– Мне кажется, мы ходим по кругу, – сказал Арман, поднялся и начал убирать со стола.

Много лет назад, когда он впервые услышал подобные словесные перепалки, ему стало не по себе. Но чем ближе он узнавал этих людей, тем лучше понимал, что означают их препирательства. Своеобразное словесное *pas de deux*¹⁷.

Так они демонстрировали симпатию и привязанность друг к другу.

Эти разговоры по-прежнему смущали его, но он подозревал, что для того они и ведутся. Такая своеобразная форма партизанской войны. А может, им просто нравилось пикироваться друг с другом.

Потянувшись за грязными тарелками, чтобы отнести их в раковину, он еще раз посмотрел на карту. В колеблющемся пламени свечи она словно изменилась.

Это была не просто поделка скусающего долгими зимними вечерами землепроходца. У этой бумаги имелась определенная цель.

Но теперь Гамаш обратил внимание еще на одно изменение. Возможно, существовавшее только в его воображении.

¹⁶ Жак Клузо – старший инспектор полиции, главный герой серии фильмов «Розовая пантера». Прозвище, которое Рут дала Гамашу в их первую встречу.

¹⁷ Па-де-де, танец вдвоем (*фр.*).

Снеговик, который в свете дня казался веселым, при пламени свечи помрачнел. И даже... встревожился? Неужели? Может ли тревожиться такой *bonhomme*?¹⁸ Да и о чем ему тревожиться?

Много о чем, подумал Гамаш, наливая в раковину горячую воду и моющее средство. Человек, сделанный из снега, будет беспокоиться из-за приближения того, чего все остальные ждут с нетерпением. Неизбежной весны.

Да, снеговик, каким бы веселым он ни был, в глубине души таил тревогу. Как и это произведение искусства. Или карта. Или что уж там они нашли в стене.

Любовь и тревога. Они идут рука об руку. Попутчики.

Вернувшись к столу за следующей порцией тарелок, Гамаш ощутил на себе взгляд Рут.

– Ну что, видишь? – тихо спросила она, когда он наклонился за ее тарелкой.

– Я вижу встревоженного снеговика, – ответил он и, еще не закончив говорить, почувствовал, насколько нелепы его слова.

Но старая поэтесса не стала его вышучивать. Она только кивнула:

– Тогда ты близок к отгадке.

– Не могу понять, для чего нарисовали эту карту, – сказал Арман, снова посмотрев на Рут.

Ответа он не ждал и не получил.

– Что бы ни послужило толчком для ее создания, делали ее не на продажу, – сказал Оливье, задумчиво глядя на бумагу. – Мне она нравится.

Пока Арман и Мирна мыли посуду, Оливье достал из холодильника десерт.

– С нетерпением ждете первого дня занятий? – спросил Оливье, раскладывая по вазочкам шоколадный мусс, приправленный ликером «Гранд Марнье» и покрытый сверху свежевзбитыми сливками.

– Я немного нервничаю, – признался Гамаш.

– Не волнуйтесь, ребяташки вас полюбят, – сказала Мирна, стоявшая с полотенцем в руках.

Гамаш улыбнулся и протянул ей вымытую тарелку.

– Что вас беспокоит, Арман? – спросил Оливье.

Что его беспокоило? Гамаш и сам задавал себе этот вопрос. Хотя знал ответ. Его беспокоило, что, пытаясь расчистить завалы в академии, он мог сделать их еще более непролазными.

– Возможная неудача, – ответил он.

Наступила тишина, нарушаемая лишь позвякиванием тарелок в раковине и звуком голосов, когда Клара повела Рейн-Мари в свою мастерскую.

– Меня беспокоит, что я недооценивал содержимое ящика для одеял, – сказал Оливье, добавляя изрядную порцию взбитых сливок к уже сервированному муссу. – Но больше всего меня беспокоит другое: я не понимаю, что я делаю. Меня беспокоит, что я обманщик.

– Меня беспокоит, что много лет назад, будучи психотерапевтом в Монреале, я давала клиентам плохие советы, – сказала Мирна. – Я просыпаюсь посреди ночи в ужасе, не направила ли я кого-нибудь по ложному пути. При свете дня я в порядке. Большинство моих страхов приходит с темнотой.

– Или когда горят свечи, – добавил Арман.

Мирна и Оливье посмотрели на него, не вполне понимая, что это значит.

– Вы и вправду опасаетесь неудачи? – спросил Оливье, насыпая кофе в кофеварку.

– Я принял несколько очень рискованных решений, – ответил Арман. – Подобные решения могут пойти как во благо, так и во зло.

¹⁸ Добродушный малый (*фр.*).

– Когда я чего-то боюсь, я всегда спрашиваю себя: что может случиться самое худшее? – сказала Мирна.

Осмеливался ли он задать себе такой вопрос?

Ему придется уйти в отставку, и академию возглавит кто-нибудь другой. Но это будет наилучшим выходом в случае его неудачи.

А наихудшим?

Он свел вместе Сержа Ледюка и Мишеля Бребёфа. По определенной причине. Но что, если этот план обернется против него? Может произойти катастрофа. И катастрофа такого рода уничтожит не только его.

Он привел в действие очень опасный механизм.

– Я бы этого не советовала, – сказала Клара.

– Чего? – спросила Рейн-Мари.

Они стояли в мастерской Клары в окружении полотен и кисточек в старых жестянках, среди запаха красок, скипидара, кофе и банановой кожуры. В углу стояла собачья кровать, на которой прежде спала Люси, золотистый ретривер Клары, пока сама Клара творила, что нередко случалось по ночам. Анри пробрался за ними в мастерскую и тут же заснул на кровати Люси.

Однако внимание Рейн-Мари привлекло то, что привлекло бы внимание любого человека, – холст на мольберте. Вблизи это было буйство красок, смелые мазки фиолетового, красного, зеленого и голубого. Все крошечные точки на руках Клары были разбрызганы на холсте в увеличенном размере.

Но стоило сделать шаг назад – и то, что казалось хаосом, обрело очертания женского лица. Определенно лица Клары.

– Я бы никому не советовала писать автопортреты, – сказала художница, удобно устроившись на табурете перед мольбертом.

– Почему? – спросила Рейн-Мари, обращаясь к Кларе, изображенной на холсте.

– Потому что в конечном счете это означает, что ты часами глядишь на себя. Ты когда-нибудь видела автопортрет, на котором человек не выглядит слегка безумным? И теперь я знаю почему. Ты можешь улыбаться, делать умный вид или задумчивый. Но чем дольше ты смотришь, тем больше видишь. Все эмоции, мысли, воспоминания. Все то, что мы прячем. Портрет обнажает внутреннюю жизнь, тайную жизнь человека. То, что художники пытаются уловить. Но одно дело искать внутреннюю жизнь в ком-то другом, и совсем иное – навести этот пистолет на себя.

Только сейчас Рейн-Мари заметила зеркало, прислоненное к креслу. И отражение Клары в нем.

– У тебя начинаются видения, – продолжала Клара. – Ты видишь странные вещи.

– Ну ты прямо как Рут, – сказала Рейн-Мари, пытаясь снять напряжение. – Она видит на карте что-то такое, чего не видят остальные.

Она села на диван, ощущая пружины там, где их просто не могло быть. Лицо на портрете, поначалу казавшееся строгим, стало обретать выражение любопытства.

Удивительный эффект. Настроение лица на портрете отражало настроение реальной женщины. Живая Клара тоже проявляла любопытство. И удивление.

– На одном из поэтических чтений в прошлом году она видела У. Б. Йейтса¹⁹, – вспомнила Клара. – А в прошедшее Рождество узрела лицо Христа на индейке. У вас дома, помнишь?

¹⁹ Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – ирландский поэт, драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года.

Рейн-Мари прекрасно помнила, какой скандал устроила Рут, пытаясь убедить их не разделять птицу. Не потому, что верила в божественность тушки, а потому, что ее можно было бы продать на аукционе eBay.

– Я думаю, что «странность» и Рут неразделимы, – сказала Клара.

Рейн-Мари согласилась с ней. Как-никак Рут держала у себя утку.

Выражение лица на портрете снова изменилось.

– Так что тебя беспокоит? – спросила Рейн-Мари.

– Я боюсь, что то, что мне видится, действительно существует. – Клара показала на зеркало.

– Портрет превосходный, Клара.

– Ты могла этого не говорить, – улыбнулась Клара. – Я просто шутила.

– А я не шучу. Он и в самом деле замечательный. Не похож ни на одну из твоих прежних работ. Другие портреты – следствие вдохновения, а этот... – Рейн-Мари снова посмотрела на холст, на сильную, уязвимую, удивленную, испуганную женщину средних лет, изображенную на нем. – Этот – гениальный.

– Merci. А ты?

– Moi?

Клара рассмеялась:

– Oui, madame. Toi²⁰. Что беспокоит тебя?

– Обычные дела. Я волнуюсь за Анни и за ребенка, думаю о том, как поживают Даниель и внуки в Париже. И еще меня беспокоит то, чем занят Арман, – призналась Рейн-Мари.

– Как глава Полицейской академии? – уточнила Клара. – После того, что он пережил, это мелочи. Игра в оловянные солдатики. Ничего с ним не случится.

Но Рейн-Мари, конечно, знала больше, чем Клара. Она летала вместе с мужем в Гаспе. Видела выражение лица Армана.

Пока они сидели за столом, надвинулись тучи и принесли густой снег. Не метель, а непрерывное вертикальное падение крупных хлопьев, которые придется разгрести утром.

У дверей, уже облачившись в уличную одежду, Оливье спрятал карту под курткой и застегнулся.

Друзья попрощались с Кларой и, утопая ногами в свежем снегу, зашагали сквозь снегопад по одной из дорожек, проложенных через деревенский луг. Габри шел рядом с Рут и нес Розу, прижимая к груди.

– Из тебя получилась бы неплохая перина, верно? – прошептал он на ухо утке. – Она становится все тяжелее. Неудивительно, что утки ходят вперевалку.

Шедшая сзади Мирна тихо сказала Рейн-Мари:

– Мне всегда нравились мужчины с большими утками²¹.

Рейн-Мари покатила со смеху и тут же налетела на Армана, который остановился на пересечении дорожек, откуда Мирна свернула к своему жилищу на чердаке над магазином.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, но Арман продолжал стоять на месте, глядя на сосны, на рождественские огни, чуть раскачивающиеся на ветерке. Анри смотрел на него, чуть помахивая хвостом в ожидании, когда ему бросят снежок.

Рейн-Мари доставила псу это удовольствие, и Анри нырнул в высокий сугроб за добычей.

– Идем, – сказала Рейн-Мари, взяв Армана под руку. – Поздно и холодно, ты уже становишься похожим на снеговика. А на деревья можешь полюбоваться из окна.

Они пошли дальше, прощаясь на ходу с другими, но тут Арман опять остановился.

²⁰ Да, мадам. Ты (*фр.*).

²¹ Игра слов, основанная на сходстве английских слов «duck» (утка) и «dick» (член).

– Оливье! – крикнул он в темноту и трусцой побежал за владельцем бистро. – Одолжите мне карту ненадолго.

– Пожалуйста. А что?

– Хочу проверить одну вещь.

Оливье вытащил карту из-под куртки.

– Merci, – сказал Гамаш. – Bonne nuit²².

Рейн-Мари и Анри ждали его, а еще дальше впереди Габри медленно вел Рут и Розу домой. Рут повернулась и посмотрела на Армана. В свете лампочки на ее крыльце было видно, что она чем-то очень довольна.

– Ты спрашивал, для чего сделана эта карта, – прокричала она. – А не лучше ли подумать, почему ее спрятали в стену?

На следующее утро Арман позвонил Жану Ги и спросил, не хочет ли он стать его заместителем в академии.

– Я уже заточил карандаши, patron, – ответил Жан Ги. – И прикупил блокноты и новые пули для пистолета.

– Ты не представляешь, какие чувства вызывает у меня это известие, – откликнулся Гамаш. – Я говорил со старшим инспектором Лакост. Изабель даст тебе отпуск на один семестр. Вот все, что мы имеем.

– Хорошо, – сказал Жан Ги, переходя на серьезный тон. – Днем я приеду в Три Сосны, и мы обсудим ваши планы.

Явившись в деревню, Жан Ги отряхнул снег с шапки и куртки, налил себе кофе и прошел в кабинет к тестю. Вопреки его ожиданиям, Гамаш не изучал учебные программы, досье персонала или список новых кадетов. Вместо этого он разглядывал старую карту.

– Почему вы так долго не приглашали меня в заместители?

Гамаш снял очки и внимательно посмотрел на зятя:

– Потому что знал: ты согласишься, а я не уверен, что делаю для тебя доброе дело. В академии творится черт знает что, Жан Ги. У тебя своя карьера. Сомневаюсь, что должность моего заместителя в академии – шаг вверх по карьерной лестнице.

– А вы думаете, меня интересует повышение, patron? – произнес Бовуар с еле сдерживаемым гневом. – Неужели вы так плохо меня знаете?

– Просто мне очень безразлична твоя судьба.

Бовуар вдохнул и выдохнул, прогоняя раздражение.

– Тогда почему приглашаете меня теперь?

– Потому что мне нужна помощь. Нужен ты. Одному мне это не поднять. Мне нужен человек, которому я могу доверять всецело. И потом, в случае неудачи мне нужен кто-нибудь, на кого можно свалить вину.

Жан Ги рассмеялся:

– Всегда рад помочь. – Он посмотрел на карту, лежащую на столе. – Что тут у вас? Карта сокровищ?

– Нет, но в ней есть какая-то тайна. – Гамаш протянул карту Жану Ги. – Взгляни, может, увидишь в ней что-то необычное.

– Я полагаю, вы знаете ответ. Это испытание? Если я его успешно пройду, должностишка моя?

– Такую должностишку вряд ли можно назвать призом, – заметил Гамаш и направился к выходу, давая зятю возможность изучить потертую, драную и грязную старую карту. – И она уже твоя, нравится тебе это или нет.

²² Доброй ночи (фр.).

Некоторое время спустя Жан Ги прошел в гостиную к Арману и Рейн-Мари, но и там увидел на диване нечто потертое, драное и грязное.

– Ну что, недоумок, я слышала, что Клузо наконец-то пригласил тебя заместителем, – проворчала Рут. – Я всегда знала, что ты прирожденный заместитель.

– Мадам Зардо, – торжественно произнес Жан Ги, словно обращаясь к медиуму Викторианской эпохи. – Фактически он попросил, а я согласился.

Он сел рядом с ней на диван, и Роза перебралась к нему на колени.

– Ну, ты разобрался? – спросил Гамаш. – Выяснил, что странного в этой карте?

– Вот это. Три сосны, – сказал Жан Ги, обводя пальцем нарисованные деревья. – Три Сосны. Ни на одной официальной карте деревни нет, а здесь она есть.

Он поставил палец на изображение деревни. И тогда стало очевидным кое-что еще. Все дороги, дорожки и тропинки вели туда. Возможно, они проходили и через другие поселения, но заканчивались здесь, у трех сосен.

Арман кивнул. Жан Ги своим острым глазом увидел на карте самое необычное среди всего второстепенного.

Это была не карта Трех Сосен, а карта, показывающая путь в Три Сосны.

– Как странно, – прошептала Рейн-Мари.

– На самом деле странно не то, что деревня есть на этой карте, – сказал Жан Ги, – а то, что ее нет ни на одной другой карте. Даже на официальных картах Квебека. Почему? Почему она исчезла оттуда?

– *Damnatio memoriae*, – произнесла Рейн-Мари.

– Что-что? – спросил ее зять.

– Эту фразу я встречала только один раз, – сказала она. – Когда просматривала старые документы. Фраза настолько необычная, что я ее запомнила, но она, конечно, иронична.

Все уставились на нее, не понимая, в чем тут ирония.

– *Damnatio memoriae* означает «изгнанное из памяти»²³, – сказала она. – Не просто забытое, а изгнанное.

Четыре пары глаз уставились на первую, и последнюю карту с изображением их деревеньки перед ее исчезновением, изгнанием.

²³ *Damnatio memoriae* (лат. проклятие памяти) – особая форма посмертного наказания, применявшаяся в Древнем Риме к государственным преступникам – узурпаторам власти, участникам заговоров, запятнавшим себя императорам. Любые материальные свидетельства о существовании преступника – статуи, настенные и надгробные надписи, упоминания в законах и летописях – подлежали уничтожению, чтобы стереть память об умершем.

Глава шестая

Амелия Шоке сложила руки на груди и откинулась назад, сидя за своим столом. Она удостоверилась, что рукава ее формы закатаны и татуировки выставлены на обозрение, при этом она то высовывала язык с продетым в него металлическим штифтиком, то убирала его. То высовывала, то убирала. Демонстрировала, что ей скучно.

Потом она сползла пониже на стуле и огляделась. Это у нее получалось лучше всего. Никогда не участвовать, но всегда наблюдать. Внимательно.

В данный момент она наблюдала за человеком в передней части аудитории. Крупным, но не толстым. Скорее дородным, подумала она. Плотным. По возрасту он годился ей в отцы, хотя ее отец был старше.

Она оценила аккуратную, без вычурности одежду преподавателя: пиджак, галстук, шерстяные брюки.

Вид ухоженный.

Его голос, когда он обращался к кадетам-первогодкам, отличался от лекторского тона многих других преподавателей. Он говорил так, будто предлагал им выбор – соглашаться или нет с тем, что он говорит. Выбор за ними.

Она постучала штифтиком по зубам, и девица, сидевшая перед ней, повернула голову и стрельнула в нее недовольным взглядом.

Амелия презрительно ухмыльнулась, и девица вернулась к своему конспекту, видимо пытаясь дословно записать то, что говорил преподаватель.

С начала занятий прошла уже неделя, а Амелия сделала всего несколько записей в своем новеньком блокноте. Хотя, если честно, она все еще удивлялась тому, что вообще оказалась здесь.

Она явилась в Полицейскую академию в первый день, ожидая, что ее развернут обратно. Сообщат, что произошла ошибка и ей не место в академии. Однако ее пустили внутрь, и она стала ждать, что теперь ей прикажут убрать весь пирсинг. Не только тот, что в языке, но и в ноздрях, на губе, в брови, в ушах наподобие гусеницы. Если бы они знали обо всех остальных, которые не видны, то определенно сказали бы, что и от них нужно избавиться.

Она предполагала, что в течение нескольких недель перед началом занятий ей пришлют предупреждение: крашенные волосы и татуировки в академии не допускаются.

Но прислали лишь список книг, которые нужно прочесть, и коробку.

Получив письмо и коробку, Амелия заперла дверь своей спальни в меблированных комнатах, где она жила, и, пробежав список книг, открыла коробку.

Внутри оказалась аккуратно сложенная форма. Новенькая. Никто прежде не носил ее. Амелия поднесла ее к лицу и вдохнула.

Форма пахла хлопком и картоном. Свежая и чистая. И неожиданно мягкая.

Там лежала и фуражка с эмблемой академии и какими-то словами на латыни.

«Velut arbor aevo».

Амелия осторожно водрузила фуражку на свои колючие черные волосы. Подумала, что же означают эти слова. Да, она знала, как их перевести, но что они означали – загадка.

Она разделась и надела на себя форму. Одежда сидела как влитая. Тогда Амелия украдкой посмотрела в зеркало. И увидела молодую женщину, которая жила в мире, ничуть не похожем на мир Амелии. В мире, который мог бы стать ее миром, если бы она повернула налево, а не направо. Или направо, а не налево.

Если бы она говорила или молчала. Открывала дверь или закрывала ее.

Амелия могла бы быть девицей в зеркале. Сияющей, аккуратной, улыбающейся. Но она не была ею.

Она швырнула фуражку на кровать и тут услышала шаги в коридоре. Стрельнула глазами в замок – заперт ли.

В дверь резко постучали, и любезный голос пропел:

– Просто хотела узнать, получила ли ты посылку, *ma belle*²⁴.

– Пошла в жопу.

Молчание, затем удаляющиеся шаги и тихий смешок.

В первую ночь, проведенную здесь Амелией, хозяйка неожиданно распахнула дверь и заглянула в ее комнату. Амелия поспешно затолкала под кровать то, что держала в руках. Но она вызвала любопытство у этой дряблой женщины, от которой воняло куревом, пивом и потом.

– Услышала шум и подумала, не заболела ли ты, *ma petite*²⁵, – объяснила она.

Вместе с ней в комнату проник запах мочи, впитавшийся в ковер в коридоре.

Женщина обшарила помещение своими маленькими глазками.

Амелия захлопнула перед ней дверь, успев заметить потрескавшиеся губы толстухи, нос картофелиной в красных прожилках, угреватое лицо. И слезящиеся глаза. Наполненные хитростью и планами.

С тех пор Амелия всегда запирала дверь, даже если отлучалась всего на минутку – в туалет или в душ.

Амелия ненавидела хозяйку. И знала почему. Как только она вошла в дверь этих меблированных комнат, ее охватила внезапная и ошеломляющая уверенность, что она никогда отсюда не выйдет.

Эта хозяйка была ею.

А она была этой хозяйкой.

Амелия подозревала, что когда-то давно эта женщина, молодая и стройная, приехала из провинции в Монреаль в поисках работы. С сертификатом об окончании курсов машинисток в одной руке и с небольшим чемоданом – в другой.

Она сняла здесь комнату на время, не понимая, что пересекла порог. И возврата нет.

Она так и не вышла обратно. Сгнила тут.

То же будет и с Амелией. Уже началось.

После четырех месяцев безуспешных попыток найти какую-нибудь неквалифицированную работу Амелия начала снижать планку и докатилась до минета на рю Сент-Катрин. И наконец приняла ведро, предложенное хозяйкой.

Это и стало ее работой. Чистить туалеты. И душевые. Пробивать заторы, вытаскивая оттуда клочья волос и все, что там оказалось.

Случались ночи, когда она стояла на коленях в мужском душе и плакала в сливное отверстие. Она понимала тогда, что ее жизнь никогда не будет лучше. В двадцать лет лучшее для нее уже осталось позади.

Она начала глушить себя наркотиками, которые приобретала у оборванца, живущего в том же коридоре, в обмен на минет. Прежде она обещала себе не падать так низко, а теперь прикидывала, куда еще может упасть и где нащупает дно.

Пока что она не опустилась до крэка и героина, но лишь потому, что не могла их себе позволить за ту цену, которую просили.

В конце концов потребность заглушить боль стала сильнее всех ограничений. Травка больше не помогала. Перед тем как выйти из дому, Амелия приняла душ и надела чистое белье, совершая некий последний акт самоуважения и осознавая всю нелепость этих действий. До точки невозврата оставалось всего ничего. Так уж лучше перешагнуть эту линию с запахом

²⁴ Моя красавица (*фр.*).

²⁵ Детка (*фр.*).

мыла и детской присыпки, хотя Амелия подозревала, что теперь застоялый запах мочи тянется за ней повсюду, как рудиментарный хвост.

Она спустилась по лестнице, которую только что выскребла.

Ступеньки стали чище, чем в день ее приезда. Как и туалеты, душевые, ковры. На это начали обращать внимание другие постояльцы, кое-кто из них даже стал больше следить за собой.

Но борьба была проиграна, даже не начавшись. Грязь в доме лежала не на поверхности. Дезинфекция тут не помогала. Гниль проникла слишком глубоко.

– Ты куда? – спросила хозяйка через приоткрытую дверь своей квартиры.

– Не твоё вонючее дело, – ответила Амелия.

– Не глотай, – посоветовала хозяйка со смехом. Она сидела в кресле, широко расставив потные ноги. – Но это ты и без меня знаешь, малютка.

Телевизор у нее был включен, шел репортаж об убийстве в деревне к югу от Монреаля. Сначала нашли тело ребенка, решили, что это несчастный случай, но позже признали убийством. А потом последовала вторая смерть.

Амелия остановилась, глядя сквозь приоткрытую дверь. Увидела на экране довольно молодую женщину, дающую интервью. Ее представили как главу отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

Амелия шагнула ближе к двери.

На женщине был хороший костюм. Юбка, светло-голубая рубашка и приталенный жакет. Совсем не мужской. Женского покроя. Практично, но привлекательно. Просто.

На шее у нее висел бейджик, на бедре – пистолет в кобуре.

Крупные мужчины в форме стояли позади нее. Уважительно.

Хозяйка пошевелилась в кресле, ее голые ноги произвели визгливый звук, скользнув по синтетической обивке.

– Как ты думаешь, на что она пошла, чтобы получить такую работу?

На толстых губах хозяйки блестела слюна, а ее смех преследовал Амелию, пока она не вышла на улицу.

Амелия нашла ответ на этот вопрос тем же вечером.

Но не на рю Сент-Катрин. Она нашла его в квартире своего единственного друга – гея из той же деревни, из которой приехала она сама. Он поселился в Монреале годом ранее и устроился на работу танцором в мужском стрип-клубе.

– Что за ерундой ты тут занимаешься? – спросил он, протягивая косячок Амелии, которая сидела за его ноутбуком и стучала по клавиатуре. – Гуглишь копов?

Амелия не ответила.

В свою комнату она вернулась со стопкой распечаток, каждая из которых содержала требования, предъявляемые к поступающим в разные полицейские учебные заведения. На следующий день, вычистив туалеты и душ, она написала несколько писем и отправила резюме по разным адресам.

Конечно, резюме не были абсолютно правдивыми.

– Тебя никогда не примут, – сказал ее друг. – Посмотри на себя. Ты же по ту сторону тюремной решетки. Ты – та, кого они пытаются арестовать.

Они посмеялись над его словами, понимая, что в них есть немалая доля истины. Однако, в отличие от своего друга, Амелия надеялась оказаться с другой стороны. Среди тех, кто носит хорошие костюмы и моет волосы. И чтобы за ее спиной стояли крупные мужчины, но не пилились на ее задницу, а исполняли ее приказы.

Может быть, она сумеет стать женщиной, наделенной властью. И пистолетом.

Сначала она получила отказ от Монреальского полицейского колледжа. Потом из Шербрукской полиции. Потом из полиции Квебек-Сити. Ее не захотел принять даже крохотный

частный колледж, наверняка разместившийся в сарае какого-то крестьянина где-нибудь в глухомани.

Полицейская академия Квебека вообще не удостоила ее ответом. Ну разумеется.

Амелия снова занялась полами и пробивкой засоров. А в один холодный вечер оказалась на Сент-Катрин. И там за стрип-баром сделала то, что клялась себе не делать никогда. И даже еще хуже.

На вырученные деньги она купила кокаин. А потом героин.

За два дня она приняла две дозы, и, хотя это ее одурманило, цель состояла не в том, чтобы получать удовольствие. А в том, чтобы смягчить боль.

Она подозревала, что еще одна доза – и назад пути не будет. Да и некуда ей было назад. И вперед тоже.

Но с первым снегом пришло письмо.

Амелию приглашали в Полицейскую академию Квебека на зимний семестр. Говорилось, что она будет получать полное довольствие. За ее знание латыни. Все было оплачено.

– Futuis²⁶ меня, – пробормотала она и села на кровать, сжимая в руках письмо и уставившись в пространство.

Амелия спрятала письмо в карман и держала его при себе, пока скребла полы и чистила унитазы. Она не осмеливалась прочесть его еще раз – вдруг что-то неправильно поняла. Но наконец в мужском душе она вытащила письмо и перечитала. Стоя на коленях, она плакала в сливное отверстие.

И вот в конце января она оказалась здесь. Сидела в классе и шевелила языком так, чтобы штифтик стучался о зубы. Обхватив себя руками и полулежа на стуле, смотрела на преподавателя из-под полуприкрытых век.

Она изображала скуку, но не пропускала ни слова. Впитывала каждый звук, каждое действие. Всё-всё.

Сидевший рядом с ней и увлеченно слушавший лекцию молодой человек, рыжеволосый и с такой гейской аурой, что ее, вероятно, чувствовала даже грифельная доска, шикнул на нее.

– Завидуешь моему штифтику? – прошипела она по-английски.

Он побагровел, и Амелии стало интересно, чего он больше стыдится – того, что он гей, или того, что он англо.

Он ей нравился. Непохожий на других, он изо всех сил старался быть похожим.

– Слушай внимательно, – сказала Амелия, показывая на преподавателя, и заметила, как рыжеволосый надулся от раздражения.

Этот курс читал сам командер академии, и до сих пор оставалось непонятным, о чем, собственно, этот курс.

Что такое учебные стрельбы, было ясно. Однако к оружию кадеты пока не прикасались, хотя командер Гамаш уже вскользь упомянул «прицельное слово».

– «Я не почувствовал, как прицельное слово попало по назначению, – ответил он на вопрос одного из кадетов: когда им будут выдавать оружие. Голос преподавателя звучал низко и спокойно. – И в тело мягкой пулей вошло».

Он улыбнулся им, потом повернулся и написал на доске фразу.

Это случилось в первый день. И каждый день впоследствии он писал новую фразу, стирая предыдущую. Кроме первой. В верхней части доски. Она до сих пор оставалась там.

Амелия спрашивала себя, знает ли этот человек с сединой в волосах и задумчивыми глазами, что он цитирует ее любимого поэта.

²⁶ Латинское слово, имеющее то же значение, что и английское fuck.

Меня повесили за то, что я жила одна,
за то, что я голубоглазая и загорелая.

Амелия могла бы процитировать все стихотворение. Она заучила его, лежа в постели. И когда эта чертова хозяйка ворвалась к ней в первую ее ночь в меблированной комнате, Амелия спрятала книгу под кровать.

Не еду. Не наркотик. Не украденный кошелек.

Нечто гораздо более драгоценное и опасное.

Книга стихов присоединилась к другим спрятанным там. К книгам на латыни и греческом. Поэтическим и философским книгам. Амелия изучала древние языки и запоминала стихи. Среди грязи. Заглушая скрип кроватей, бормотание, крики и вопли других постояльцев. Шум спускаемой воды в туалетах, ругань и вонь.

Все это стиралось поэзией.

И да, еще за груди
и грушу сладкую, что скрыта в моем чреве.
Как только разговор о демонах заходит,
все это приговора²⁷.

Хозяйка боялась крыс и копов.

Но на самом деле ей следовало бояться слов и идей. Амелия понимала это. И понимала, что именно потому наркотики так опасны. Потому что они вышибают мозги. Не сердце – мозги. А затем сердце. А затем и душу.

Амелия подалась вперед и, пока профессор стоял спиной, торопливо записала фразу дня.

«Главнейший смысл счастья, – строчила она быстро, чтобы не увидел командер, – в том, чтобы человек был тем, кто он есть».

Амелия уставилась на написанное, а потом, почувствовав на себе чей-то взгляд, подняла голову и увидела, что командер смотрит на нее.

Она высунула язык и подвигала им туда-сюда, показывая штифтик. Чтобы он знал, кто она есть.

Он кивнул и улыбнулся. Затем обратился ко всей аудитории:

– Кто здесь знает девиз академии?

– Когда мы получим оружие? – прокричал какой-то парень с задней скамьи. И, заметив выражение лица командера, добавил: – Сэр.

Амелия фыркнула про себя. Либо будь дерзким, либо не будь. Но если ты дерзкий и тут же начинаешь лизать задницу, это глупо. Либо будь самим собой, либо не делай этого.

– Я даю вам оружие, – сказал командер, и Амелия снова фыркнула, громче, чем хотела.

Поскольку она вдруг проснулась, профессор обратил на нее все свое внушительное внимание.

Это было все равно что увидеть могучий корабль в шторм. Устойчивый, сильный, спокойный. Способный уцелеть не потому, что стоит на якоре, а потому, что не стоит. Способный приспосабливаться. В этом спокойствии ощущалось громадное умение контролировать себя. А с ним приходила и сила.

Этот человек был сильнее всех, кого она встречала, потому что не отдавался на милость стихий.

²⁷ Строки из стихотворения Маргарет Этвуд «Полуповешенная Мэри», посвященного некой Мэри Уэбстер, жительнице Массачусетса, которую в 1680 году обвинили в колдовстве и повесили на дереве, где она оставалась целую ночь. Однако, когда утром ее вынули из петли, она оказалась живой и прожила после этого еще 14 лет.

Теперь он смотрел на нее и ждал ответа, и она знала, что он способен ждать вечно.

– *Velut arbor aevo*, – пробормотала Амелия.

– Верно, кадет Шоке. И вам известно, что это значит?

– Словно дерево через века.

Самая длинная фраза, произнесенная ею с момента приезда.

– *Oui, c'est ça*²⁸, – сказал командер. – Но вам известно, что это значит?

Ей хотелось как-то выпендриться. Сказать что-нибудь умное либо, если не получится, грубое. Но по правде говоря, она не знала смысла этой латинской фразы и ей было любопытно.

Амелия посмотрела на доску за спиной командера, на слова, которые он написал там.

О главнейшем смысле счастья.

Она покачала головой:

– Нет, не известно.

– Хотите узнать?

Амелия помедлила, предчувствуя ловушку, но все же коротко кивнула.

– Дайте мне знать, когда сообразите, – сказал он. – И подойдите ко мне, пожалуйста, после лекции.

«Пошел он в жопу», – подумала она, опять сползая на стуле и ощущая на себе взгляды других кадетов. Она подставилась, продемонстрировала свое невежество и даже хуже. Она продемонстрировала интерес.

И он сказал, чтобы она сама попыталась додуматься.

Амелия знала, что он собирается ее выкинуть. За дерзость. За ее татуировки, пирсинг, штифтик в языке.

Как только разговор о демонах заходит,
все это приговорається.

Он собирался выбросить ее за борт.

И, наблюдая за тем, как он внимательно слушает болтовню кого-то из кадетов, Амелия поняла, что он не корабль. Этот спокойный с виду человек был штормом. И она вот-вот должна была утонуть.

После лекции Амелия Шоке собрала книги. Когда остальные кадеты ушли, она направилась туда, где стоял командер Гамаш, дожидаясь ее.

– *Mundus, mutatio; vita, opinio*, – неторопливо проговорил он.

Она наклонила голову набок и перестала крутить перстень с черепом на указательном пальце.

– Моя латынь не очень хороша, – сказал Гамаш.

– Вполне себе хороша, – заметила Амелия. Она прекрасно поняла. – «Мир – изменение. Жизнь – мнение».

– Правда? – спросил он. – Я другое хотел сказать. Я думал, что говорю: «Наша жизнь есть то, что мы думаем о ней».

Он достал из сумки тонкую книжицу. Несколько секунд разглядывал ее, потом протянул потрепанный томик Амелии:

– То, что мы говорим, и то, что хотим сказать, иногда совершенно не совпадает. Зависит от того, что мы хотим услышать.

– Да, верно.

– Эта цитата отсюда, – сказал командер. – Я бы хотел, чтобы эта книжка была у вас.

Амелия посмотрела на книгу в его руке.

²⁸ Да, это так (*фр.*).

На потрепанной обложке стояло: «Марк Аврелий. Размышления».

– Нет, спасибо. Я уже поняла ваше послание.

– Возьмите ее, – сказал он. – Прошу вас. Возьмите как подарок.

– Прощальный подарок?

– Вы уходите?

– А разве нет?

– Я попросил вас подойти после лекции, чтобы пригласить вас, как и некоторых других кадетов, на стаканчик вина сегодня вечером в моей квартире в академии.

Значит, вот в чем дело. Она может остаться, но за плату. Амелия могла предполагать, кто эти «некоторые другие».

Ей придется так или иначе отработать выплаченную стипендию. Амелия уронила книгу на стол. Она не хотела и дальше залезать в долг перед этим человеком.

Коммандер Гамаш взял книгу и убрал в свою сумку. Выходя из класса, он показал на самую первую цитату на доске.

Ту, что оставалась, в то время как другие появлялись и исчезали.

Слова какого-то буддийского монаха. Другие кадеты посмеивались над ними, но Амелия записала их в свой блокнот. Самые первые слова в самом первом ее блокноте.

«Не верь всему, что думаешь».

Глава седьмая

В квартире командера Гамаша в академии горел камин.

После работы он по большей части возвращался в Три Сосны. Езды до дома было не больше часа, дорога приятная. Однако сегодня обещали метель, и он решил переночевать на служебной квартире. Рейн-Мари приехала вместе с ним и привезла коробку со своей работой и пакет в оберточной бумаге.

Когда они вошли в его квартиру при академии, Гамаш показал на пакет:

– Новый стул?

– Ты настоящий детектив, – сказала она с наигранным восторгом. – Но вообще-то, это пони.

– Эх. – Он потряс кулаком от разочарования. – Я ведь это и хотел сказать.

Она рассмеялась и проводила взглядом мужа, уходящего по длинному коридору начинать рабочий день.

Рейн-Мари провела день, просматривая старые документы из архива, пока Гамаш читал лекции и занимался административными делами, количество которых казалось неподъемным. Прежний командер пренебрегал бумажной работой, а Серж Ледюк, второй человек в академии, имел собственную повестку дня, которая, похоже, не включала эффективное руководство академией.

Но главным образом административная деятельность Гамаша сводилась к управлению оставшимися преподавателями и кадетами старших курсов. Сказать, что они противились осуществляемым переменам, было бы большим преуменьшением.

Даже те, кто с радостью воспринял уход старой гвардии, поражались масштабу перемен.

– Наверное, лучше действовать медленнее, – посоветовал Жан Ги.

– Non, – возразил профессор Шарпантье. – Без промедления сообщайте плохие новости и распространяйте хорошие. Так учил Макиавелли.

Шарпантье был одним из рекрутов Гамаша, он преподавал тактику, а для этого предмета обязательным чтением являлся «Государь» Макиавелли. Собственно говоря, курс был не столько про тактику, сколько про манипуляции.

Бовуар посмотрел на смешливого Шарпантье с большим подозрением. Тот обильно потел, словно ему приходилось выжимать из себя каждое слово. Этот молодой, худощавый, хрупкий человек нередко пользовался для передвижения инвалидным креслом.

– Мы будем осуществлять перемены разом. Без промедления, – решил командер Гамаш и созвал собрание персонала, чтобы поставить всех в известность.

Так начался семестр, и так началась борьба.

Это продолжалось уже неделю, и хотя ритм работы и распорядок были определены, власть Гамаша в академии оспаривалась каждый день, каждый час. Командера Гамаша воспринимали не как глоток свежего воздуха, а как капризного и невежественного ребенка, ломающего домик из кубиков, причем так думали даже те, кто знал, что кубики сгнили.

– Дай время, и все устоится, – чуть ли не каждый день говорил Гамаш Жану Ги.

– Ах, патрон, вот времени-то у нас как раз и нет, – отвечал Бовуар, заталкивая книги в портфель.

«Это верно», – думал Гамаш. А ведь Жан Ги не знал и половины того, что происходит.

Но в тот вечер, в конце первой недели семестра, Гамаш собирался разрядить атмосферу в академии. По крайней мере, надеялся.

Вернувшись в свою квартиру, Арман переоделся – облачился в свободные брюки, рубашку с открытым воротом и кардиган. Рейн-Мари надела кашемировый свитер с шелковым шарфиком и юбку чуть ниже колен.

Усевшись в эймсовское кресло и поставив кружку с чаем, Арман потянулся к пакету:

– Ты знаешь, что в нем?

– Нет, – ответила Рейн-Мари. – Оливье дал мне его сегодня утром, перед нашим отъездом. Сказал – для тебя. Пожалуйста, не встряхивай его.

Арман всегда встряхивал пакеты, а почему, и сам не мог толком сказать. Уж точно не для того, чтобы проверить, нет ли там бомбы, ведь от такой тряски любая бомба взорвалась бы.

Он встряхнул пакет. Прислушался. Потянул носом воздух.

Рейн-Мари ни капли не сомневалась, что он делает все это, чтобы развлечь ее.

– Нет, не пони, – с сожалением объявил Арман.

– Если бы только твои кадеты знали, какой гигант мысли читает им лекции...

– Я думаю, они это подозревают.

Вскрыв пакет, он несколько секунд смотрел на его содержимое.

– Что там? – спросила Рейн-Мари.

Он показал ей, и она улыбнулась:

– Какой он душка.

– Oui, – согласился Арман.

В пакете оказалась старая необычная карта, найденная в стене быстро. Оливье поместил ее в рамку. Сзади прикрепил открытку с надписью:

«Чтобы вы всегда находили дорогу домой».

Открытку подписали Оливье, Габри, Клара и Мирна. Рут внизу добавила свои каракули: «Когда ты неизбежно обделаешься снова».

Арман улыбнулся и, глубоко вздохнув, поднялся с удобного кресла. Он положил карту в рамке на приставной столик и подошел к огромному, во всю высоту стены, окну.

Его комнаты находились на верхнем этаже академии, и из окон открывался великолепный вид. По крайней мере, он был бы великолепен, если бы не метель и вечерняя тьма.

Теперь же Гамаш видел только собственное отражение. Метель поглотила Сен-Альфонс со всеми его огнями.

Место, где сейчас находился округ Сен-Альфонс, французы обжили одним из первых несколько веков назад, потому что их привлекла здешняя земля, ровная и плодородная. Но те самые условия, которые делали ее благодатной летом, делали ее особенно жестокой в зимнее время.

Ничто не могло помешать ветру и снегу, которые обрушивались на Сен-Альфонс с гор, завывали вдоль берегов рек, набрасывались на равнину. Единственное, что их останавливало, – это сам округ Сен-Альфонс, грудью встречавший стихию.

Из тьмы в толстое стекло ударил белый кулак, словно напоминая Арману о своем существовании. И о недовольстве.

Гамаш и бровью не повел. Но он понимал, какое благо находиться внутри, когда непогода лютует снаружи.

Раздался стук в дверь, и вошел Жан Ги.

– С каких пор ты стал стучать, mon beau? – спросила Рейн-Мари, вставая, чтобы поприветствовать зятя.

– Я не знал, пришел ли еще кто-нибудь, – сказал он, оглядывая комнату.

Жан Ги подозревал, что другим преподавателям известно о его родственных отношениях с Гамашами, но кадеты, вероятно, еще не узнали об этом. Он не хотел, чтобы кто-то посторонний видел проявление их дружеских и семейных чувств.

Бовуар оглядел комнату острым взглядом. Всегда готовый встретить любую угрозу, будь то стрелок или открытая книга стихов.

Комната, которую он увидел, отличалась от всего, что было у Гамашей прежде.

Это пространство в академии было оформлено в стиле модерн. Модерн середины века, как выяснил Бовуар. Кресла странной формы, изготовленные отнюдь не по лекалу «Лей-Зи-Бой»²⁹ и ничуть не казавшиеся удобными. Поначалу Бовуар подумал, что жилье главе академии предоставляется вместе с мебелью, отвечающей чьим-то чужим вкусам, но потом узнал, что Гамаши сами обставили квартиру.

Ему не нравилось.

Он прошел по толстому ворсистому ковру, погрел руки у камина, потом взял банку колы со стола с напитками.

Раздался стук в дверь – это прибыли первые гости. В течение двадцати минут собрались все. Группа тщательно отобранных кадетов и группа не менее тщательно отобранных преподавателей.

Они разговаривали, угощались едой и напитками.

Напряженная поначалу атмосфера смягчилась с помощью веселого огонька в камине, бури, бушевавшей за окнами, выпивки и непринужденного гостеприимства хозяев – командера и мадам Гамаш.

Одурачить Амелию Шоке было нелегко.

Она стояла в углу между книжным шкафом и окном, ощущая через рукав холодное стекло. Время от времени снаружи доносился вой, когда в стекло ударял особенно сильный порыв ветра со снегом.

Со своего места она разглядывала комнату.

А комната разглядывала ее. Если одна пара глаз уставала от нее и находила другой объект для изучения, к Амелии тут же устремлялась другая. Словно они действовали в одной команде. Или участвовали в борьбе без правил.

Амелия пришла сюда, предполагая нечто совершенно иное. Чего она никак не ожидала, так это вечеринки с коктейлями.

Мадам Гамаш встретила ее у дверей, подвела к столику с напитками, и Амелия налила себе «Канадиен клаб»³⁰ с имбирным пивом.

Жена командера в мягком свитере с шарфиком, пахнувшая мылом и розами, казалась Амелии инопланетянкой, так же как сама Амелия – остальным собравшимся.

Она понимала это. Другие кадеты испытывали к ней неприязнь, побаивались ее или посмеивались над ней. А преподаватели просто не замечали.

Кроме одного. Средних лет, невысокого, коренастого, но не толстого. Амелия представила тугие мышцы под повседневным свитером и подумала, что он, наверное, принимает стероиды.

Человек все время поглядывал на нее, но не критически. Во всяком случае, после первого острого взгляда. Его отношение к ней изменялось. Она заинтересовала его, она это видела. Но не сексуально. У нее на такие вещи глаз был натренированный.

Здесь было что-то другое. Он оценивал ее.

Это было довольно необычное сборище. Поначалу Амелия думала, что приглашены самые многообещающие, самые умные, природные лидеры. Хотя ее присутствие этим никак не объяснялось.

Но теперь, внимательнее приглядевшись к другим кадетам, она поняла, что ошибалась. Среди приглашенных были как мужчины, так и женщины. Некоторые явно англо, большинство франкофоны. В основном белые, но также одна азиатка и один черный. Один из гостей был в кресле-каталке. Она не могла определить, кадет это или преподаватель.

²⁹ «Лей-Зи-Бой» – известная в Канаде марка мебели для отдыха.

³⁰ «Канадиен клаб» – марка канадского виски.

Никто из них ничем особенным не выделялся.

К Амелии подошла азиатка:

– Хуэйфэнь.

– Чего?

– Так меня зовут. Я на третьем курсе. Ты новенькая?

Она выжидательно смотрела на Амелию. И та подумала, что у этой женщины плохо развит инстинкт самосохранения.

– И что? – процедила сквозь зубы Амелия.

– Как тебя зовут?

– Не твое собачье дело.

Это не слишком напоминало разговор на светских вечеринках с коктейлями, о которых Амелия читала в книгах.

Хуэйфэнь кивнула, словно Амелия поделилась с ней ценной информацией. Это слегка смутило Амелию.

– Знаешь, он новенький.

Хуэйфэнь смотрела сквозь толпу гостей на командера Гамаша, который стоял с бокалом в руке и слушал кадетов.

– А вид у него подержанный, – заметила Амелия.

Хуэйфэнь рассмеялась.

– А это... – она показала на крепыша, который проявил интерес к Амелии, – профессор Ледюк. Герцог. Прежде он руководил академией.

Хуэйфэнь перевела взгляд с Ледюка на Гамаша, потом подалась к Амелии, и та отпрянула, но успела услышать, как Хуэйфэнь прошептала:

– Держись от него подальше. Вижу, он тобой интересуется. Держись от него подальше.

Потом Хуэйфэнь выпрямилась и рассмеялась, словно одна из них сказала нечто умное.

Амелия посмотрела на Ледюка, потом на Гамаша. Она не поняла, кого из этих двоих имела в виду азиатка, предупреждая держаться подальше.

– Странно, почему он здесь, – сказала Хуэйфэнь, и на этот раз было очевидно, что речь идет о Гамаше. – Так или иначе, – она взглянула на Амелию, – это должно быть интересно.

Она вскинула брови и улыбнулась, потом двинулась через комнату, вроде бы не имея никакой цели. Но вскоре Амелия заметила, что цель у нее все-таки была. Попетляв немного, Хуэйфэнь остановилась рядом с Ледюком. Герцогом.

На взгляд Амелии, он несколько не походил на герцога. В нем не ощущалось ничего царственного. Он излучал грубую энергию. Что-то первобытное, становившееся особенно заметным на фоне благовоспитанных людей.

Он одновременно отталкивал и привлекал. Не своей личностью, но тем, чем может привлекать сила. И Амелия не единственная чувствовала это.

Вокруг него собралась тесная кучка кадетов.

Хуфа, или как там она назвалась, разговаривала с ним. А потом он медленно повернул голову. И посмотрел на Амелию.

Вот уже второй раз за вечер Ледюк разглядывал ее. Долгим, задумчивым, оценивающим взглядом. Так смотрят на кусочек пазла.

Подойдет или нет? Пригодится или нет?

И Амелия подумала, что эта Хуфа, вероятно, подошла к ней по его приказу. Интересно, о чем она ему наболтала?

Мгновение прошло, связь разрушилась, и Амелия снова пустилась в одиночное плавание.

Она попивала свой виски с имбирным пивом и наблюдала, как толпа гостей то наплывает на нее, то уходит в отлив. Внезапно она поняла, что за собравшимися наблюдает кто-то еще. Преподаватель старшего поколения.

Он появился последним, все остальные уже давно пришли. Прежде Амелия не видела его. Ни в коридорах, ни в аудиториях, ни даже в столовой.

Он был новым и старым одновременно.

Этот человек стоял в одиночестве у двери, изящно держал стакан виски и оглядывал комнату. Он встретился взглядом с Амелией, и на мгновение ей показалось, что он собирается улыбнуться.

Но его пронизательные глаза скользнули по ней и ушли в сторону.

Амелии стало любопытно, принадлежит ли он к старой гвардии, или это новый преподаватель, приведенный командером.

Наверняка старая гвардия. По виду – точно. Старый. И вид гвардейский.

Несколько мгновений она смотрела на него. Достаточно долго, чтобы он почувствовал на себе чей-то взгляд. Амелия делала это ради забавы, а еще потому, что любила играть с бритвенными лезвиями, иглками и ножами.

Затем она переключила внимание на командера и его жену.

Она увидела, как улыбается командер, потом смеется над чем-то, сказанным одним из кадетов. Они с женой сидели у камина, и на их лицах играл теплый отсвет пламени. В командере Гамаше ощущалась какая-то легкость. В том, как он смотрел на мадам Гамаш. В том, как он слушал и не чувствовал потребности доминировать.

Амелия перевела взгляд и заметила, что профессор Ледюк расстался с маленькой группой, окружавшей его, и подошел к новоприбывшему. Пожал старику руку. Улыбнулся. Они обменялись несколькими словами, после чего Герцог посмотрел на командера.

Взгляд был совсем недружеский.

И тогда она тоже посмотрела на Гамаша.

Любой человек, который может вызывать такую ненависть в другом человеческом существе, достоин того, чтобы понаблюдать за ним.

«Да, – подумала Амелия, делая еще глоток из стакана и слушая, как бесится и завывает метель за окном, – в академии, может, не так уж и забавно, но азиатка права: будет интересно».

Кадет Амелия Шоке не знала и не могла знать, как не мог знать и никто из находящихся в квартире командера, что не успеют еще сойти снега, как один из них будет мертв. И убьет его тоже один из них.

Слово «интересно» даже близко не отвечало тому, что надвигалось.

Глава восьмая

– Сейчас не смотрите, – наклонившись, прошептал Бовуар на ухо Гамашу. – Бребёф и Ледюк нашли друг друга.

Жан Ги наблюдал за тем, как Ледюк прикоснулся дружеской рукой к локтю человека постарше. *Confrères*, подумал Бовуар. Собратья. Одной крови.

Коммандер Гамаш даже не собирался смотреть в ту сторону. Вместо этого он показал на освободившееся кресло. Жан Ги осторожно взглянул туда. Кресло было из черной кожи и очень походило на пасть, которая вот-вот захлопнется.

Сдавшись, Жан Ги сел и откинулся на спинку.

– *Merde*, – прошептал он.

Это было, без сомнения, самое удобное кресло из всех, в каких он когда-либо сидел.

Кроме кресла, в комнате имелось немало других неожиданных вещей.

Столько всего и так быстро произошло с тех пор, как Жан Ги принял должность заместителя коммандера, что у него не было даже возможности спросить Гамаша, почему тот оставил Ледюка. И почему пригласил Бребёфа.

Оба решения он считал опрометчивыми. А вместе они казались безрассудными, на грани безумия.

Сведение этих людей в одном кампусе и без того было достаточно рискованным, но пригласить их на одну вечеринку? И дать им выпивку?

Бовуар вскользь подумал, вооружены ли они. Гамаш запретил персоналу носить оружие, даже офицерам полиции, временно приписанным к академии. И Жан Ги, вопреки воле и инстинктам, оставил свой пистолет в управлении Квебекской полиции.

На глазах Бовуара эти двое вели все более оживленный приятельский разговор. Ледюк выглядел воодушевленным, а Бребёф – более сдержанным. Кивал, соглашался.

Мишель Бребёф, бывший суперинтендант, был одним из самых влиятельных офицеров Квебекской полиции, перед тем как его с позором выгнали.

Серж Ледюк был наиболее влиятельной фигурой в академии, при нем выпускались сотни кадетов, он давал им оружие, но лишал нравственной основы.

Как тут не обеспокоиться, увидев, что эти двое разговаривают голова к голове?

– Подойти к ним? – спросил Жан Ги, собираясь подняться из чертовски удобного кресла.

– Зачем?

– Чтобы остановить их, – ответил Бовуар. – Пресечь в зародыше.

– Они найдут возможность поговорить в другом месте, – сказал Гамаш. – А здесь, по крайней мере, все происходит на виду у всех.

– Это ведь не тинейджеры, приобщающиеся к выпивке, *patron*, – возразил Жан Ги, пытаясь говорить ровным голосом. – Это... – Он замолчал в поисках нужного слова.

– *Merde*? – с улыбкой спросил Гамаш. Потом улыбка померкла, и лицо посерьезнело. – Хотя ты, наверное, искал другое слово – «зло».

– Нет, – откровенно признался Бовуар.

Он не мыслил в категориях добра и зла. Он даже не мыслил в категориях «плохой» и «хороший».

Мышление Жана Ги Бовуара отличалось простотой и четкостью. Нужно ли кого-то остановить? Нужно ли пресечь чьи-то действия? Совершается ли то или иное нарушение закона, причинение вреда, с умыслом или нет?

Эти двое все свои действия совершали с умыслом. Всякий поступок тщательно взвешивали.

Но то же самое можно было сказать и про Гамаша, который умышленно, как стало теперь понятно Бовуару, сел спиной к двери. К Бребёфу и Ледюку.

Он словно приглашал их к нападению. Или отправлял им послание.

Арман Гамаш не просто имел власть в академии. Он имел абсолютную власть. И был неуязвим. Серж Ледюк и Мишель Бребёф могли пускаться во все тяжкие, но они бы никогда не пересилили Гамаша. Об этом он не беспокоился.

Может быть, именно такое послание Гамаш передавал им сейчас, однако Жан Ги Бовуар понимал, что на самом деле это не так. И Гамаш, скорее всего, тоже понимал это.

Повернуться спиной ко злу – в этом жесте было что-то символическое. Но ничего более.

Серж Ледюк приветствовал бывшего суперинтенданта полиции, не выказывая каких-либо признаков неодобрения тому, что сделал Бребёф.

А Бребёф? Он прекрасно знал, что сделал Ледюк и что еще способен сделать.

Он приветствовал Герцога, как король в изгнании приветствует верноподданного.

– Вас это, возможно, не волнует, patron, – сказал Жан Ги, – но как насчет них?

Гамаш повернулся в кресле и взглянул на кучку кадетов, стоявших за спиной у двух преподавателей в ожидании, когда им уделят капельку внимания.

Коммандер Гамаш снова повернулся к Бовуару:

– Я не говорил, что меня это не волнует. Очень даже волнует. Именно потому я здесь.

В его голосе, хотя и спокойном, слышалось неудовольствие, даже неодобрение, и Бовуар не мог не почувствовать это.

– Désolé³¹, конечно, вас это тревожит. Но разве мы не должны что-нибудь предпринять?

– Мы и предпринимаем, Жан Ги.

Гамаш сосредоточился на кадетах, которые окружили его, мадам Гамаш и Жана Ги у камина. И постарался не показывать своего беспокойства.

Мишеля Бребёфа не приглашали на прием. Его даже не ждали в академии до завтрашнего дня.

И тем не менее он оказался здесь. Словно принесенный метелью. И сразу попал в руки Сержа Ледюка. Чему тут удивляться? Разве что подосадовать можно.

И еще кое-что.

У Гамаша имелись причины способствовать встрече Ледюка и Бребёфа, но он полагал, что в известной степени контролирует их. Теперь же он понял, что его контроль гораздо слабее, чем он рассчитывал.

Повернувшись к ярко горящему камину, Гамаш почувствовал, как волосы у него на загривке встали дыбом.

Большинство преподавателей и студентов ушли, и Амелия тоже направлялась к двери, когда заметила на приставном столике сложенную упаковочную бумагу, на которой лежала картинка в рамке. Амелия взяла ее в руки.

– Что вы об этом думаете? – спросил коммандер Гамаш; девушка вздрогнула и сделала движение, чтобы положить картинку на место, но было слишком поздно.

Он ее поймал.

Она пожала плечами.

– Ну же, соображайте, – велел он, протягивая руку.

Амелия отдала ему рисунок.

– Это карта, – сказала она. – Какого-то места в Квебеке. – Она показала на снеговика с клюшкой. – Но при чем тут пирамида?

³¹ Прошу прощения (*фр.*).

Гамаш не сводил с нее глаз. Амелия Шоке обнаружила самое странное в странном рисунке.

– Понятия не имею, – ответил он.

– Мне понравилась открытка, – сказала Амелия. – Ваши друзья ждут, что вы обделаетесь?

– Всегда.

Колечко в ее губе дернулось, выдавая удивление.

– Снова? – спросила она, показывая на последнее слово в строке, написанной Рут.

– Невозможно дожить до седых волос и не сделать нескольких ошибок, – сказал командер. – Вы понимаете?

Он продолжал удерживать ее взгляд, и Амелия во второй раз отметила, что в его глазах светится ум.

Она сказала себе, что это всего лишь еще один крупный белый мужчина средних лет. Она такими наелась. В буквальном смысле.

– Вы догадались, что означает девиз академии? – спросил Гамаш.

– *Velut arbor aevo*. «Как дерево через века». Это означает, что вы должны пустить корни.

Она знала, что ошибается. Возможно, девиз имел такое значение на поверхностном уровне, но в нем было нечто большее. Как и в человеке, который стоял перед ней.

Амелия заметила в его взгляде кое-что еще. Проницательность, словно он знал ее лучше, чем она сама. Словно что-то видел в ней, что-то такое, что ему, вероятно, не нравилось.

– Что ж, это было интересно, – сказала Рейн-Мари, когда они навели порядок и смогли наконец отдохнуть у камина. – Ты не заметил некоторого напряжения?

Она невинно округлила глаза, словно была не уверена.

– Может быть, немного, – ответил ее муж, садясь рядом с ней на диван.

– Хотите чего-нибудь? – спросил Бовуар.

Он сходил в кухню и принес блюдо с сэндвичами, держа его в одной руке, а другой заправляя в рот сэндвич.

Арман и Рейн-Мари взяли по сэндвичу.

– Мне это не понравилось, – сказал Бовуар, садясь в кожаное кресло, которое объявил своим.

– Что именно? – спросила Рейн-Мари.

– Да все это, – ответил Бовуар. – Общение с кадетами.

– С низшими слоями? – уточнила Рейн-Мари. – Мне показалось, ты наслаждался собой.

– Ну разве что немного, – признался он. – А что это за готка? Как она умудрилась поступить? Похоже, ей даже не хочется быть здесь. Некоторые из кадетов мягковаты, но они, по крайней мере, полны усердия. Она же просто...

Он задумался в поисках слова, потом повернулся к тестю за помощью.

– Нет, не зло, – выпалил Бовуар, опережая Гамаша.

– Я вовсе не это хотел сказать.

– Тогда как бы вы ее описали? – спросил Бовуар.

– Она плывет по течению, – сказал Гамаш. Помолчал и добавил: – Нет, не плывет. Тонет.

– Определенно, она неблагополучная, – вступила в разговор Рейн-Мари. – Почему ты ее принял, Арман? Насколько я помню, ей отказали в приеме.

– Что? – Бовуар с трудом выпрямился в кресле. – Ей было отказано, а вы ее приняли? Почему?

– Я пересмотрел все заявления на прием, – сказал Арман. – Приняты все те, в ком я что-то увидел.

– И что ты увидел в ней? – спросила Рейн-Мари, прежде чем Бовуар задал тот же вопрос, хотя и совсем другим тоном.

– Последний шанс, – ответил Гамаш. – Спасательный круг.

Раздался стук в дверь, и Гамаш поднялся.

– Здесь не исправительная школа, – сказал ему вслед Бовуар. – Полицейская академия – не благотворительное заведение.

Гамаш повернулся, держась за ручку двери:

– Кто сказал, что спасательный круг для нее?

Он открыл дверь – за порогом стоял Мишель Бребёф.

Рейн-Мари поднялась и подошла к мужу.

– Арман, – сказал Бребёф, потом повернулся к ней: – Рейн-Мари.

– Мишель, – проговорила она вежливо.

В его дыхании чувствовался запах виски, но пьяным он не казался.

– Извините, что заявился без приглашения. – Он улыбнулся ей смущенной мальчишеской улыбкой. – Это вышло случайно. Я приехал на день раньше из-за погоды и хотел просто сообщить о своем прибытии. А попал на прием. Я вернулся, чтобы извиниться.

– Что-то я немного устала, – сказала Рейн-Мари Арману. – Пожалуй, пойду лягу. Мишель...

Она кивнула ему, и он улыбнулся.

Когда Рейн-Мари выходила из комнаты, Жан Ги заметил взгляд, которым обменялись супруги.

Рейн-Мари злилась из-за этого второго за день вторжения в ее частное пространство, в ее личное время. Жан Ги редко видел тещу такой сердитой. Арман тоже почувствовал состояние жены и мимолетно сжал ее руку, прежде чем она ушла в спальню и плотно закрыла за собой дверь.

– Ты, конечно, знаешь Жана Ги Бовуара, – сказал Арман, и они обменялись рукопожатием.

– Да, инспектор. Как поживаете?

– Отлично, – ответил Бовуар. – Вижу, и вы тоже.

В свое время суперинтендант Бребёф был боссом Бовуара, но он находился так высоко на служебной лестнице, что они почти не сталкивались. А теперь встретились как равные. Словно ничего не произошло.

Они все играли в одну игру. В шарady.

Одно слово. Похожее на «лицемерие».

Но Бовуар знал, что за этим кроется нечто большее. Да, Гамаши надевали маску вежливости. Однако у их отношений с Бребёфом была долгая история. Не только обид, но и глубокой привязанности.

Победит ли привязанность? Следует ли ей побеждать? Возможно ли такое? Эти вопросы не давали Бовуару покоя.

Жан Ги наблюдал за тем, как Гамаш приглашает Бребёфа войти. Бывший суперинтендант подошел к камину, ожидая, что Гамаш предложит ему присесть.

Это мгновение тянулось невыносимо долго.

Наконец Арман сделал жест рукой, и Мишель сел.

А Бовуар ушел, унося с собой нехорошее предчувствие.

Глава девятая

– Угощайся, – сказал Арман, показывая на бутылки на приставном столике.

Не дожидаясь ответа от Бребефа, он прошел в спальню, где Рейн-Мари развешивала свою одежду.

– Ты в порядке? – спросил он, наблюдая за ее плавными движениями.

Она повернулась к нему, и Арман увидел, что она плачет.

– Ох, – все, что он сумел произнести, прежде чем заключить ее в объятия.

Немного погодя Рейн-Мари отстранилась, и он протянул ей платок.

– Сплошное расстройство, – сказала она и взмахнула платком, словно чтобы очистить воздух. – Когда я вижу Мишеля и слышу его, то на мгновение забываю. Будто ничего и не произошло. А потом вспоминаю, что случилось.

Рейн-Мари вздохнула и посмотрела на закрытую дверь.

– Ты знаешь, что делаешь? – спросила она, промокая платком расплывшуюся тушь.

– Мишель Бребеф не опасен. – Арман взял жену за руки и заглянул ей в глаза. – Он больше не представляет собой угрозу. Он бумажный тигр.

– Ты уверен?

Он кивнул:

– Уверен, *ma belle*. С тобой все в порядке? Хочешь, чтобы я попросил его уйти?

– Non. Все хорошо. Нужно еще почитать немного. А ты иди и развлекай этого говнюка.

Арман удивленно взглянул на нее.

Рейн-Мари рассмеялась:

– Кажется, я перенимаю манеры Рут. Это так раскрепощает.

– Точно сказано. Когда избавлюсь от Мишеля, вызову экзорциста.

Он поцеловал ее и вышел.

В час ночи Рейн-Мари выключила свет. Арман все еще находился в гостиной с Мишелем. Она слышала, как они смеются.

– Господи боже, а я начисто забыл, – сказал Мишель.

Бутылка виски переехала с приставного столика на кофейный, и уровень содержимого в ней значительно понизился.

– Как ты мог забыть профессора Мёнье? – удивился Арман, наливая обоим еще по глотку. Откинувшись на спинку кресла, он водрузил ноги в тапочках на скамеечку. – Он словно вышел из мультипликационного фильма. Выкрикивал приказы и бросал в нас мелками. У меня до сих пор шрам остался. – Гамаш показал на свой затылок.

– Нужно было увернуться.

– А тебе не нужно было его провоцировать. Он метил в тебя, если не ошибаюсь.

Мишель Бребеф рассмеялся:

– Да-да, я помню. – Его смех перешел в фыркание, а потом смолк. – Три самых долгих года в моей жизни. Академия. Те годы кажутся мне самыми счастливыми. Мы были так молоды. Даже не верится.

– Когда мы поступали в академию, нам было по девятнадцать лет, – сказал Арман. – Я смотрел сегодня на этих ребят и спрашивал себя, неужели и мы когда-то были такими. И не мог понять, когда же мы успели постареть. Кажется, времени прошло всего ничего. Меня удивляет, что мы теперь преподаватели.

– Ты не просто преподаватель, – сказал Мишель, приветственно поднимая стакан. – Ты еще и командер.

Он выпил и, глядя в стакан, тихо произнес:

– Почему...

– Oui? – спросил Гамаш, когда пауза затянулась.

– Ледюк.

– Почему я оставил его?

Бребёф кивнул.

– Вы двое, кажется, сегодня обсудили это. Так что ты мне скажи.

– После вечеринки он пригласил меня к себе, – сказал Бребёф. – Он кретин.

– И даже хуже, – подтвердил Гамаш.

– Да, – сказал Бребёф, внимательно глядя на собеседника. – Что ты собираешься с ним делать?

– Ах, Мишель, – вздохнул Арман, положив ногу на ногу и подняв стакан на уровень глаз, чтобы видеть Бребёфа через янтарную жидкость. – Лучше беспокойся за свою сторону улицы. Тут надолго хватит разгребать завалы. А я буду беспокоиться за свою.

Бребёф кивнул, откусил от подсохшего сэндвича и задумался. Наконец он спросил:

– Ты говорил кадетам про стих тридцать шестой главы десятой Евангелия от Матфея?

– Нет. Оставил для тебя.

Мишель попытался подняться, но не сумел. А Арман сумел. Он поднялся и встал над Бребёфом, крупный, надежный, почти угрожающий. Казалось, он и не пил сегодня.

Арман протянул руку и с силой, какой не ждал от него Бребёф в столь поздний час, поднял его на ноги:

– Тебе пора уходить. Ты должен делать свою работу.

– Но какую работу? Почему я здесь? – спросил Мишель, заглядывая мутными глазами в знакомые глаза Армана. – Мне нужно знать.

– Ты уже знаешь.

Мишель Бребёф шел по коридору, скользя костлявой рукой по стене, чтобы не сбиться с курса, и размышлял о том, что, вероятно, есть немало причин, почему Арман прилетел к нему в Гаспе и вызвал сюда. С утеса Персе. Из небытия.

Из них двоих Арман всегда был умнее. А для работы в академии требовался ум.

С того первого визита Бребёф знал, что он будет не только преподавателем. Он будет наглядным свидетельством, ходячим предостережением для кадетов. «Вот что случится с вами, если вы поддадитесь искушению. Если будете слушать падших ангелов вашей профессии».

Но после сегодняшнего вечера он начал подозревать, что этим дело не ограничится. Что от него ждут большего. Что у Армана на уме есть кое-что другое.

Если Арман не скажет, для чего он пригласил его в академию, то Мишель не скажет ему, почему принял приглашение.

У него оставался еще один вопрос, такой же неотступный.

Какова на самом деле цель Армана?

Гамаш закрыл дверь и, привалившись к ней, поднял руку к голове. Это все, что он мог сделать, чтобы не упасть на пол. Он давно уже не пил так много. И давно не погружался в столь давние воспоминания.

Оттолкнувшись от двери, он выключил свет и потихоньку двинулся в спальню, размышляя по пути, какое похмелье завтра утром будет тяжелее: алкогольное или эмоциональное.

В течение следующих недель академия уверенно вошла в рабочий ритм занятий, игры в хоккей и приема пищи. Суровых упражнений и волонтерских работ в округе.

Разум, тело и дух – вот что слышали кадеты. Снова и снова.

Это была организованная жизнь, и свободного времени хватало только на то, чтобы возмутить спокойствие возмутителей спокойствия.

Спустя какое-то время кадеты, как новенькие, так и старички, примерно поняли, чего им ожидать.

Первокурсники адаптировались быстрее старичков, которые никак не могли приспособиться к новым правилам, более жестким и одновременно более либеральным, чем при прежнем начальстве.

Новый командер ясно дал понять, что строгих наказаний не будет, но будут последствия. Снова и снова кадетам внушали, что каждый их поступок вызывает определенные ответные действия. Быстрые, решительные и пропорциональные. Это стало неприятным сюрпризом для многих старших кадетов, которые привыкли подлизываться к начальству.

Новая реальность дала командеру Гамашу много сторонников, но и много недоброжелателей.

Раз в неделю в академию вместе с Гамашем приезжала Рейн-Мари, и они принимали у себя кадетов. Эти приемы давали молодым людям возможность сообщить приватно об обидах. Задать вопросы.

Собравшись у камина, они обсуждали старые дела, трудные случаи. Нравственную неопределенность, место полиции в современном свободном обществе. Говорили о том, когда нужно занимать жесткую позицию, а когда – отойти в сторону.

Большинство молодых людей никогда не задавали себе подобных вопросов, но теперь вынуждены были задать.

Шли дни, недели, завязывалась дружба. Формировались группы. Укреплялись союзы. Вспыхивало соперничество. Появлялись враги. Сходились и расходились пары.

А Амелия Шоке оставалась одна. По собственному выбору. Сама по себе.

Если не считать собраний у Гамашей. Она ходила туда не по своему желанию. Ее приглашали, и она принимала приглашения, полагая, что выбора у нее нет.

– Что тут? – спросила у нее Хуэйфэнь в один из вечеров.

Она остановилась рядом с готкой, которая разглядывала небольшую картинку в рамке, висящую у дверей.

– А на что это похоже? – спросила в ответ Амелия.

Командер мог приказывать ей приходить сюда, но приказать ей любить его приемы или других кадетов было не в его силах.

– Карта, – сказала Хуэйфэнь. – Эй, Жак, взгляни-ка.

К ним подошел Жак Лорен, старший кадет, назначенный в прошлом году Ледюком и оставленный на этом месте Гамашем.

Амелия никогда не общалась с этим парнем, хотя и видела, как он муштрует свое отделение на спортплощадке. Заставляет кадетов бегать трусцой по морозу. Он был высоким и привлекательным, а его манеру держаться кто-нибудь благосклонный мог бы назвать уверенной. Амелии она казалась высокомерной.

Но тем не менее он подчинился маленькой азиатке.

– И что? – спросил он.

– Здорово, правда? – сказала Хуэйфэнь.

– Да не вяжется тут ничего, – возразил Жак. – Снеговик с розой? Так не бывает.

К ним подошел еще один кадет, встал чуть сбоку. Рыжий парнишка-гей. Амелия знала его. Натаниэль как-то там.

– Мне нравится, – сказал он, и трое остальных уставились на него.

Жак пренебрежительно фыркнул и отвернулся от новичка. Голубой новичок англо.

Но Амелия продолжала смотреть на Натаниэля, которому хватило смелости или глупости возражать старшему кадету.

Затем она снова перевела взгляд на карту.

Непонятно, почему эта картинка так притягивала ее. Увидев ее в тот первый вечер, Амелия, как и Жак, подумала, что это сплошная нелепость. Но каждую неделю во время собраний у Гамаша она останавливалась перед картинкой на стене.

Что означает корова? Снеговик? Деревья, похожие на детей?

Картинка казалась глуповатой, но и печальной. Амелии это представлялось странным. Может быть, поэтому карта ее и притягивала.

Гамаш заметил собравшихся кадетов, подошел и снял карту со стены. Посмотрел на нее, потом обвел взглядом обращенные к нему лица.

– В этом есть загадка, – сказал он. – Кто-нибудь скажет какая?

Он дал карту Хуэйфэнь, та пригляделась внимательнее и пустила карту по кругу.

– Почему она висит у вас на стене? – поинтересовался Жак. – Я не вижу в ней ничего выдающегося.

– Тогда почему вы на нее смотрите? – спросил Гамаш.

Старший кадет ростом не уступал командеру, но еще не успел набрать тела. Не обрел солидности.

– Нет ничего плохого в том, чтобы выставлять напоказ диковинку, – сказал Гамаш. – И к тому же это лакмусовая бумажка для следователя. Чем больше вы будете интересоваться разными предметами и людьми, тем лучше проявите себя на службе.

Командер Гамаш опустил глаза на картинку.

– Здесь изображено место, где живем мы с мадам Гамаш. Это подарок друга.

Приняв решение, он повернул рамку задней стороной и осторожно вытащил картинку.

– У меня для вас задание, – сказал он четверке кадетов. – Разгадайте тайну этой карты.

– Но она не связана с преступлением, – заметил Натаниэль. – Или связана?

– Не всякая тайна связана с преступлением, – ответил командер. – Но каждое преступление начинается как тайна. Секрет. Какая-то скрытая мысль или чувство. Желание. Поначалу в нем нет ничего противозаконного, однако со временем оно эволюционирует в преступление. Все преступления, которые я расследовал, начинались с секрета.

Он посмотрел на них очень серьезно.

– У вас у всех есть свои секреты. Вы, наверное, удивитесь, если узнаете, о скольких из них мне известно.

– А у вас, сэр? – спросила Хуэйфэнь. – У вас есть секреты?

Гамаш улыбнулся:

– Много. Я – настоящий склад неосторожных поступков других людей.

– Она имела в виду ваши секреты, – сказала Амелия.

– Конечно, есть вещи, которые я держу при себе, и да, у меня есть секреты. Большинство наших секретов вполне невинны. Вещи, о которых мы стыдимся сказать другим, потому что они выставляют нас в дурном свете. Но имеются такие секреты, которые разъедают нас изнутри и в конечном счете губят. Вот их-то мы, полиция, и ищем. Мы расследуем преступления, но сначала мы расследуем людей. Узнаем то, что они не хотят выдавать посторонним. Секреты – это не драгоценности. Секреты не дают вам силы. Они делают вас слабыми. Уязвимыми.

Он взглянул на картинку.

– Навыки, которые вам потребуются для расследования преступлений, те же самые, которые нужны, чтобы разгадать тайну карты. Я хочу, чтобы вы поработали вместе, как одна команда, и дали мне ответы.

– Вместе? – переспросил Жак.

– Может, нам разделиться на две команды? – предложила Хуэйфэнь. – Старички против новичков?

– Постой, – возразил Натаниэль. – Это несправедливо.

- Почему? – спросила Амелия, хотя знала ответ.
- А как насчет парни против девушек? – спросил Натаниэль.
- Никаких «против». Работайте вместе, – сказал Гамаш. – Как одна команда. В полиции мы не выбираем напарников. Нам их назначают. Привыкайте.
- Это на оценку? – спросил Жак.
- Нет, для приобретения опыта. Если не хотите, просто откажитесь. Мне все равно. Жак посмотрел на карту и, противореча сам себе, решил, что хочет знать.
- Я участвую.
- Воп. Я сделаю копии и раздам вам завтра до конца занятий.
- Весь остаток вечера кадеты, собравшись в кучку, разрабатывали план действий.
- На следующий день каждый из четверки получил копию карты, а еще через день в дверь кабинета Гамаша постучали.
- Oui, – сказал он, отрываясь от бумаг.
- Вошли Хуэйфэнь, Жак, Натаниэль и Амелия. Гамаш снял очки для чтения и показал на места для посетителей.
- Мы разгадали тайну, – сказал Жак.
- Ну, ты-то не очень заморачивался, – заметила Амелия.
- Я был занят.
- Ага. Как старший кадет. Я слышала.
- Я проделал большую часть работы, – сказал Натаниэль.
- Как ты можешь... – начала Хуэйфэнь, но тут командер поднял руку, и воцарилось молчание.
- Он обратился к Жаку:
- И?..
- Такого места не существует. – Жак пренебрежительно махнул рукой, указывая на картинку. – Это не может быть вашим домом, если только вы не живете в пещере или в дупле. Там нет никаких деревень. Ничего. Лишь лес и горы. Мы проверяли по «Гугл-картам» и навигатору.
- Я даже нашел старые карты Восточных кантонов, – сказал Натаниэль. – Здесь вот Уильямсбург, здесь Сен-Реми. Кауансвилл. Но никакой деревни, вокруг которой нарисована эта карта.
- Три Сосны, – уточнил Гамаш.
- Вы солгали, – заявил Жак.
- Осторожнее со словами, кадет, – сдержанно произнес Гамаш.
- Но тайну мы раскрыли, да? – спросила Хуэйфэнь. – Карта вымышленного места. Зачем кому-то рисовать такую карту? Вы ведь хотели, чтобы мы выяснили именно это?
- Гамаш встал и, подойдя к двери, показал им на выход.
- Они остановились в коридоре, глядя на закрывшуюся за ними дверь.
- Где-то мы промахнулись, – сказала Амелия, позвякивая своим штифтиком.
- То, что ты назвал его лжецом, не пошло на пользу, – заметила Хуэйфэнь. – Зачем ты так? Он же командер.
- Только по названию, – буркнул Жак.
- Разве этого недостаточно?
- Тебе не понять.
- Возвращаясь к карте, – сказала Амелия. – Мы были правы, да? Такого места не существует.
- И все же командер сказал, что он там живет, – сказала Хуэйфэнь.
- Он морочит нам голову, – пробурчал Жак. – Герцог об этом предупреждал.
- Я знаю лишь один способ выяснить, – сказала Хуэйфэнь.

Арман посмотрел в зеркало заднего вида. Они не отставали.

Вечер только начинался, но темнота уже опустилась на землю. Он обнаружил их, как только выехал с парковки академии и направился домой.

Поначалу он думал, что там всего одна машина, но спустя несколько километров заметил вторую, которая шла, чуть поотстав.

Он одобрительно кивнул. Значит, кто-то в классе слушал его внимательно.

Начался март, и зима все еще держала Квебек в холодных объятиях. Лучи фар выхватывали из темноты рваные края сугробов по обеим сторонам второстепенной дороги. Вечер стоял ясный, морозный, две машины по-прежнему следовали за ним.

А потом он потерял их. Точнее, они его потеряли.

Гамаш со вздохом заехал на парковку возле «Тима Хортонса»³² на окраине Кауансвилла. Он остановился под фонарем и стал ждать. Первая машина сделала один круг, второй, на третьем они заметили его, развернулись и остановились на почтительном расстоянии.

Вторая машина сумела проследовать за ним и съехала с дороги в ста ярдах от него, за пончиковой.

Гамаш предположил, что это Хуэйфэнь. Может быть, с Жаком. Но он не мог понять, почему они не позвали кадетов из первой машины, когда остановились.

Пожалуй, им нужно преподать еще один урок работы в команде.

Как только Гамаш выехал с парковки, первая машина тут же тронулась за ним: ее пассажиры больше не собирались терять его из виду. Вторая поехала следом.

Да. В действиях второй машины чувствовалось больше умения. Уверенности.

Гамаш решил ехать домой наиболее живописным маршрутом.

– Куда он едет? – спросила Хуэйфэнь.

– Не знаю, – ответил Жак, уставший и проголодавшийся. – Это бессмысленно.

– Может, он заблудился, – сказала Амелия.

– Может, ему никак не найти дверь возвращения в параллельную вселенную, – сказал Натаниэль.

Никто толком не понимал, когда он шутит, а когда говорит серьезно.

– Кто-нибудь запоминал, как мы ехали? – спросила Амелия. – Я уже заблудилась.

– Запоминать поручили тебе, – сказала Хуэйфэнь.

– Мне? Я сижу на заднем сиденье. Я вообще ничего не вижу.

– Ну а я за рулем.

Они поспорили еще немного, пока на дороге не стемнело. Стало совсем темно. Никаких уличных фонарей. Никаких габаритных огней. Ни одной машины.

– Tabernac³³, – выругался Жак. – Ну и куда он делся?

Гамаш покачал головой.

– Я буду немного позже, чем рассчитывал, – сообщил он через блютуз.

– Опять потерял их? – спросила Рейн-Мари. – Что ж, я накрою стол еще на четверых.

Они проголодаются, пока снова найдут тебя.

– Merci.

Гамаш отправился на поиски кадетов и наконец нашел их возле бензозаправки. Он подъехал туда и решил заправиться, хотя бензина у него хватало. Просто хотел увидеть их реакцию. А также объяснить свое присутствие здесь.

³² «Тим Хортонс» – название канадской сети ресторанов быстрого питания.

³³ Франкоканадское ругательство.

– Черт, вот он, – сказала Амелия, сползая на пол с заднего сиденья. – Все вниз.

Они настолько заигрались, что почти убедили себя, что их жизнь и жизнь других людей зависят от того, насколько успешной будет их погоня за этим человеком.

Они опустили вниз. Так низко, что не заметили, как командер выехал с заправки.

Гамаш вздохнул и притормозил на выезде с заправки, не выключая мигалку. Он разве что не гудел, чтобы привлечь их внимание.

«Первым делом утром, – подумал он, – встречусь с преподавателем Маккиннон и попрошу, чтобы она освежила в памяти кадетов основы слежки за подозреваемым».

Устав от игры и проголодавшись, командер Гамаш поехал прямо домой. Преследователи пристроились за ним.

– Не потеряй его, – велел Жак.

– Постараюсь, – откликнулась Хуэйфэнь.

Она умирала с голоду, а им еще предстояло сообразить, как вернуться в академию. Они наверняка пропустят ужин, и им придется либо взламывать кухню, либо довольствоваться крекерами, припрятанными в комнатах.

Двигавшаяся впереди машина командера вдруг исчезла из виду, словно свалилась в пропасть.

– Что случилось, черт возьми? – спросил Жак.

Хуэйфэнь сбросила газ, проехала некоторое расстояние и остановилась.

– Черт побери, – прошептала она.

У нее за спиной вытянули шею Амелия и Натаниэль.

Внизу под ними, среди темного леса, раскинулась сияющая деревня.

Хуэйфэнь заглушила двигатель, и кадеты вышли и сделали несколько шагов вперед. Их ботинки хрустели по снегу, теплое дыхание клубилось над головой.

Им показалось, что они стоят на краю света.

Амелия запрокинула голову, ощущая щеками холодок морозного воздуха.

Высоко в небе бесчисленные звезды соединялись в фигуры лошадей и птиц, всяких волшебных существ.

А под звездами лежала деревня.

– Она таки существует, – прошептал Натаниэль.

Машина Гамаша медленно ехала мимо старых домов: кирпичных, сложенных из плитняка, обитых вагонкой.

Из окон со средниками лился свет и сверкал на снегу.

В дальнем конце деревни кадеты увидели людей, входящих в нечто похожее на ресторанчик и выходящих оттуда, хотя разглядеть все как следует мешали три огромные сосны в самом центре деревни.

– Поехали назад. – Натаниэль дернул Хуэйфэнь за рукав.

Но девушка не тронулась с места:

– Ну уж нет. Мы должны выяснить наверняка.

– Выяснить что? – спросил он. – Мы поехали за ним и нашли эту деревню. Вот в чем тайна. Не в том, что ее не существует, а в том, что она существует. Поехали отсюда, пока не напросились на какую-нибудь неприятность.

– Разве тебе не любопытно? – спросила у него Амелия.

У них на глазах машина Гамаша остановилась перед двухэтажным белым домом, обитым вагонкой, с ярко горящими окнами. Из трубы в холодный трескучий воздух устремлялся дымок. Клубами. Словно дом дышал.

Коммандер вышел из машины, но, вместо того чтобы идти по тропинке, проложенной в снегу до веранды, он повернулся и двинулся в другом направлении. К ним.

– О черт. Не двигайтесь, – прошептал Натаниэль. – Он увидит движение. Услышит нас. У подножия холма коммандер остановился и поднял голову.

– Тихо, – прошептал Натаниэль. – Ни звука.

– Сам ни звука, – прошипела Амелия.

– Обед готов! – крикнул в темноту Гамаш. – *Voeuf bourguignon*³⁴, если вас интересует.

После чего двинулся обратно, ступая по следам, оставленным покрывками в снегу. Он остановился, наблюдая за машиной, которая спустилась по склону холма и обогнула деревенский луг. Одна-единственная машина. Гамаш поднял голову и увидел слабый свет, приближающийся к краю холма. Потом свет стал отступать. Он полз назад, пока вершину холма не накрыла полная темнота.

Арман Гамаш медленно пошел по тропинке к дому. Думая. Понимая, что ошибся.

Все кадеты ехали в одной машине.

Кто же находился во второй?

³⁴ Говядина по-бургундски (*фр.*).

Глава десятая

– Вы на нас злитесь? – спросил Натаниэль.

– Злюсь? – переспросил Гамаш, передавая ему корзинку со свежими булочками. – А с чего мне злиться?

– Ну, мы следили за вами, – пояснил юноша, хватая теплую булочку и отогревая ею замерзшие пальцы.

– В какой-то мере – да. Я сержусь, но не из-за того, что вы следили, а из-за того, *как* следили.

– И мы подвергли сомнению ваши слова, – сказала Хуэйфэнь. – Мы думали, вы нас обманываете, когда говорите, что живете в деревне.

Голос ее затих, когда она увидела, как мадам Гамаш накладывает большие куски тушеной говядины на тарелки с яичной лапшой.

Молодые люди смотрели так, будто никогда прежде не видели еду.

Кроме Амелии, которая играла в гляделки еще с одним человеком за столом.

С древней старухой. И с ее уткой.

Коммандер Гамаш улыбнулся:

– Сомнения не такая уж плохая вещь для агентов Квебекской полиции. Вы сделали именно то, чего я и ожидал. Вы не поверили мне на слово и стали искать доказательства.

– Но почему деревни нет на картах? – спросил Жак, обращаясь к куску *boeuf bourguignon* на своей вилке.

– Куча маленьких деревень показаны, – сказала Хуэйфэнь, с трудом отрывая взгляд от мяса, чтобы посмотреть на Гамаша. – Мы не поверили, что вы живете здесь, потому что ваша деревня не нанесена ни на одну карту.

При этих словах Рейн-Мари улыбнулась и протянула руку к тарелке Натаниэля. Он съел первую порцию со скоростью, какой позавидовал бы Анри, и теперь Рейн-Мари выуживала для него из ароматного бульона с луком и морковкой новые куски нежной говядины.

Питание в столовой академии улучшилось после расторжения контракта с крупной сетевой компанией и приема на работу шеф-повара из местных. Но тут была совсем другая еда.

Амелия быстро прикончила свою порцию. Она наклоняла голову над тарелкой, заталкивала еду в рот и глотала, почти не пережевывая. Затем вытерла тарелку хлебом, съела все до крошки и села, скрестив руки на груди.

Старуха тоже откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. У Амелии создалось впечатление, что если бы эта дьявольская утка могла скрестить крылья, то непременно так бы и поступила. Старуху представили как соседку Гамашей по имени Рут, и она, похоже, намеренно подражала всем действиям Амелии. Когда Амелия потянулась за лимонадом, старуха сделала то же самое.

Только в стакане Амелии была кола, а у старухи – виски.

Когда ела Амелия, ела и старуха. Когда Амелия откинулась назад, старуха повторила ее действия.

А сейчас они играли в «кто кого переглядит».

– Что ж, вы нашли деревню, – сказал Гамаш. – И разгадали первую тайну. И теперь вам предстоит разгадать вторую тайну: почему деревни нет ни на какой другой карте, кроме этой.

– Ее нет даже на «Гугл-картах», – пожаловалась Хуэйфэнь. – А навигатор показывает, что мы остановились посреди леса.

– Заехали в никуда, – добавил Жак.

– Навигатор все еще пытается сориентироваться, – сказал Натаниэль. – Он переживает за нас.

Хуэйфэнь взяла старую карту с соснового стола и снова принялась ее разглядывать.

– А вы знаете ответ? – спросила она, переводя взгляд с командера на мадам Гамаш и обратно. – Почему деревни нет нигде, кроме этой карты?

Оба отрицательно покачали головой.

– Меня напрягает, почему здесь нарисованы такие вещи, которых нет ни на одной нормальной карте, – сказала Хуэйфэнь.

– Например, снеговик и корова, – подхватил Жак, подаваясь к ней. – Почему снеговик? Он не может быть каким-то дорожным указателем – снеговики тают.

– А еще тут пирамида, – заметил Натаниэль.

– Может, это просто такой способ провести время, – сказала Хуэйфэнь. – Вроде старинных вышивок. Как они называются?

– Орнамент, – подсказала Рейн-Мари.

– Это не орнамент, – возразила Амелия, не отрывая глаз от старухи. – Тоненькие линии – это контуры. Они показывают профиль местности. Это настоящая карта.

– Но зачем ее сделали? – спросила Хуэйфэнь.

– Вот вам и третья тайна, которую скрывает карта, – сказал Гамаш. – Каково ее назначение?

Когда они впервые увидели эту карту на стене в комнате Гамаша, она показалась им почти смехотворной, а теперь выяснилось, что она полна загадок.

– То, что Трех Сосен нет на официальных картах, не так уж и плохо, – заметила Рейн-Мари. – Значит, нас тут не тронут.

– Слишком поздно, – сказала Амелия, намекая на тронутую Рут.

Арман ничего не сказал, вспомнив свет на вершине холма.

– Откуда вообще взялась эта карта? – спросила Амелия, отводя взгляд от сумасшедшей старухи.

На протяжении всего обеда в кухне витали запахи корицы и коричневого сахара, перемешивавшиеся и переплетавшиеся с грубоватым ароматом *boeuf bourguignon* и булочек.

А теперь Арман встал и извлек что-то из духовки, после чего запах стал еще ощутимее.

Он снял рукавички для духовки и ответил Амелии:

– Карту мне подарил человек, который ее нашел. Он увидел, что мне нравится рисунок.

– Ее нашел не Оливье, – рявкнула Рут. – Ее нашла я.

Это были первые произнесенные ею слова, если не считать «пошла в жопу», адресованного Хуэйфэнь, которая хотела помочь дряхлой старушке усесться за стол.

– Верно, – кивнула Рейн-Мари. – Но карта принадлежит Оливье. Не знаю, заметили ли вы быстро, когда приехали. Им владеют Оливье и его партнер Габри.

– А где он ее нашел? – спросила Амелия. – Нарисовали ее не вчера, и, вероятно, она пролежала где-то много лет.

– Она была в стене, – ответила Рут, которая тоже отвела глаза от Амелии и уставилась на копию рисунка на сосновом столе.

А утка продолжала сверлить Амелию взглядом и победила, переглядела.

– Ее замуровали в стену, – сказала Рут.

– Как? – удивился Натаниэль. – Почему?

– Почему? – повторил командер, расставляя перед ними вазочки с яблочными и малиновыми чипсами и тающим ванильным мороженым. – Очень хороший вопрос.

По их лицам он видел, что кадеты начинают понимать: расследование не будет простым. Оно похоже на эту карту с контурными линиями и петляющими дорогами. И препятствиями. А время от времени вы сталкиваетесь с чем-то совершенно неожиданным.

– Зачем прятать карту в стену? – спросил Гамаш.

– Она ждала там, – ответила Рут.

– Ну-ну, Рут, – пожурела ее Рейн-Мари. – Не играйте в игры разума с нашими молодыми гостями.

– Это не игра. В карте есть что-то странное. Я чувствую. И я знаю, что ты тоже.

Она обращалась к Арману. Дождавшись его короткого кивка, старуха обратилась к Амелии, возобновив игру в гляделки:

– И ты тоже чувствуешь.

– Я ничего не чувствую. Все это совершенно не важно. Просто упражнение, – сказала Амелия. – Задание. Ничего больше. Причем даже не самое интересное задание.

– Тогда почему ты здесь? – спросила Рут, с трудом поднимаясь со стула.

На сей раз никто не попытался ей помочь. Она пошла к двери, Арман – следом за ней.

– Некоторые вещи исчезают не без причины, Арман, – сказала она, а потом повернулась к кадетам, сидящим за столом.

Такие молодые. Притворяются, что совершенно равнодушны к этой жутковатой старухе. Но их выдают широко раскрытые глаза.

– Вы спросили, чего ждала карта. Может быть, она ждала вас, – сказала Рут. – Вы нашли деревню, и, возможно, этого достаточно. Возможно, вам лучше здесь и остановиться. «Не дай вам бог попасть в тот ад, где молодость и смех громят»³⁵.

– Вот женщина, которая умеет эффектно уйти, – сказала Хуэйфэнь, когда Рут ушла.

Рассмеялась даже Амелия. Хотя и ожидала узреть клубы своего дыхания во внезапно похолодевшем воздухе.

В окно кухни они увидели командера Гамаша, который поддерживал Рут на скользкой дороге. Утку он прижимал к себе, чтобы не замерзла.

– Альцгеймер? – спросила Хуэйфэнь.

Рейн-Мари отрицательно покачала головой:

– Поэзия.

– Bonne nuit, – сказал Арман, когда Рут открыла свою незапертую дверь и он протянул ей Розу.

– Да, хорошо, – сказала Рут, собираясь захлопнуть дверь перед его носом.

– Постойте... – Арман придержал дверь рукой. – Почему вы сейчас процитировали Зигфрида Сассуна?

– Почему я говорю то или иное? Пусть каждый решает сам.

На этом она закрыла дверь, и Арман пошел домой, остановившись ненадолго полюбоваться звездами. Многих из них уже не существовало. Остался только их свет.

Потом его взгляд упал на деревню. Которая существовала и одновременно не существовала.

Карту замуровали в стену. Она стала частью здания. Выполняла роль изоляции, защиты. Помогала спастись от зимнего холода.

Но ее извлекли из стены, и холодные ветра снова выли, снова наступали.

Он поплотнее запахнул куртку и, проходя мимо кухонного окна своего дома, остановился и заглянул внутрь. Рейн-Мари сидела, уперев подбородок в ладонь, и слушала кадетов. Она была так красива. А они – так молоды.

Гамаша пригласили кадетов остаться на ночь, и, пока Рейн-Мари доставала для них свежие пижамы и зубные щетки, Арман позвонил в академию предупредить, чтобы об этой четверке не беспокоились.

³⁵ Строки из стихотворения «Самоубийство в окопах» английского поэта Зигфрида Сассуна. Перевод М. Зенкевича.

Несколько часов он провел в своем кабинете, просматривая программы, намечая даты предстоящих встреч с преподавателями и представителями администрации округа, а Рейн-Мари разбирала в гостиной архивные материалы.

Кадеты, посидев спокойно около наносекунды, решили отправиться в бистро.

После полуночи Арман услышал, как открылась входная дверь. Рейн-Мари давно ушла спать, а он остался ждать молодежь.

Кадеты остановились в дверях его кабинета, где он сидел, закинув ногу на ногу, в очках и с открытой папкой.

– Доброй ночи, сэр, – сказал Натаниэль.

– Спасибо за обед, – сказала Хуэйфэнь. – И за то, что позволили нам остаться.

– Повеселились в бистро? – спросил он.

– Хозяин показал нам, где была спрятана карта, – ответил Жак. – Но добавить к этому ничего не смог.

Амелия прошла мимо дверей, не остановившись, и затопала вверх по лестнице, к кровати. Остальные последовали за ней. Закончив читать, Гамаш встал, запер входную дверь, проверил задний вход и окна. Впрочем, он знал, что, если опасность существует, она не прячется в засыпанном снегом саду. Как и в случае с Великой Китайской стеной, большинство опасностей таились внутри.

Ночью Армана разбудил скрип старого дерева.

Он сел в кровати и настороженно прислушался.

Потом надел халат и тапочки, бесшумно подошел к верхней площадке лестницы и пригнулся.

Оттуда он увидел фигуру, входящую в гостиную из кухни.

Неужели это человек из второй машины? Тот, кто ехал за ними, а потом исчез? Для того чтобы появиться в два часа ночи?

Человек двигался по гостиной. Угли в камине почти погасли. Но их света хватило, чтобы разглядеть темную фигуру, хотя и не настолько хорошо, чтобы опознать.

Наконец человек зажег свет, и Гамаш чуть не упал на задницу. В гостиной, обглаживая куриную ногу, стояло нечто похожее на неудачный результат научного эксперимента. Или на сумасшедшего.

Голова готки, начиненная пирсингом и покрытая татуировками, сидела на розовом теле в цветочек. Амелия, одетая во фланелевую ночную рубашку Рейн-Мари, обшаривала их дом.

Гамаш сделал еще одну заметку на память: поговорить с профессором Маккиннон и попросить ее пройти с кадетами правила проведения тайного обыска.

Пункт первый: получить ордер.

Пункт второй: не включать свет.

Он тряхнул головой, вспоминая, какие глупости они совершали с Мишелем Бребёфом. Хотя им и в голову не приходило обыскивать дом командера.

* * *

Амелия изучила книги на полках, потом взялась за семейные фотографии командера. Ее жирные от курицы пальцы оставили пятна на снимках. Наконец она добралась до свадебной фотографии. Женщина, по-видимому дочь Гамашей, теперь взрослая и в свадебном платье, а рядом с ней ее новоиспеченный муж.

Амелия постучала штифтиком по зубам.

Арман точно знал, на что она смотрит, хотя и не видел выражение ее лица. Когда кадеты пришли, он подумал, не убрать ли фотографии, но решил не убирать. Фотографии – вещи семейные, но не секретные.

И ему хотелось знать, заметил ли их кто-нибудь из кадетов.

Свет в гостиной погас, и Арман приготовился скрыться в своей спальне, как только услышит ее шаги по лестнице. Однако знакомого скрипа ступенек не последовало. Вместо этого загорелась другая лампа. В его кабинете.

Это было уже чересчур. Он спустился по лестнице и обнаружил Амелию в своем кресле. Она разглядывала еще одну фотографию.

– Поставьте на место, – велел он и увидел, как она вздрогнула от удивления.

Он остановился в дверях.

Амелия поставила черно-белую фотографию на стол.

– Так, как она стояла прежде, – сказал Гамаш.

Она поправила фотографию, глядя на улыбающегося человека в старомодной шляпе и зимнем пальто и женщину в аккуратном суконном пальто, перчатках и шляпке. Женщина держала на руках ребенка, укутанного от квебекских холодов так, что казалось, будто это корзинка с одеждой. Видна была лишь крохотная ручка, ухватившая ее за палец.

На мгновение Амелия подумала, что это месье и мадам Гамаш, но потом поняла, что фотография гораздо старше.

– Ваши родители? – спросила она.

– Вы воспользовались нашей добротой, – сказал он.

– Я просто искала, какую бы книгу почитать.

– Могли бы спросить.

– В два часа ночи? Не хотелось вас беспокоить.

– Это приватная комната. Вещи здесь личные, и вы это прекрасно знаете.

– Личные? – переспросила она, вставая. – Или секретные?

– Пожалуйста, уходите.

Наверху в своей комнате, лежа в кровати, Амелия вытащила книгу, которую нашла на стеллаже внизу.

«У меня все ОТЛИЧНО», книга Рут Зардо, одной из ее любимых поэтесс.

Она прочла подзаголовок и рассмеялась. «Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно».

Зарывшись в одеяло, Амелия съела последнюю выпечку, похищенную из кухни, и принялась листать страницы. Некоторые стихотворения она уже знала. Некоторые видела в первый раз.

Ты была мотыльком,
что коснулся моей щеки
в темноте.
Я убила тебя,
не зная, что ты
всего лишь мотылек
и у тебя нет жала.

Амелия положила раскрытую книгу на колени и стала размышлять о том, что представляла собой академия до Армана Гамаша. Когда ею управлял профессор Ледюк.

Жак сказал, что прежде было гораздо лучше, а Гамаш уничтожает академию, ослабляет ее и полицию. Амелия понимала, что он, как попугай, повторяет слова Герцога, но не знала,

так ли оно на самом деле. А Хуэйфэнь хотя и не соглашалась с тем, что говорил Жак, но и не возражала против его слов.

Никаких похвальных грамот в кабинете Гамаша не висело. Никаких его фотографий в форме. Ледюк говорил, что Гамаш – позор полиции, что его вынудили уйти в отставку. И еще по академии ходили слухи о каком-то коррупционном деле.

Амелия не могла поверить, что распространяемые слухи имеют какое-то отношение к Гамашу, хотя и знала, что люди на самом деле нередко совсем не то, чем кажутся.

Она потянулась к своему айфону, чтобы погуглить Армана Гамаша. Собиралась сделать это с самого первого дня в академии, но ее все время отвлекали более насущные вещи. Например, как прожить начавшийся день.

Нет соединения. Амелия разочарованно бросила телефон на кровать. Она забыла, что Интернета здесь нет. Не только картографы забыли о Трех Соснах – о деревне явно забыло само время. И новые технологии.

Она натянула на себя одеяло, размышляя, какой же он на самом деле, Арман Гамаш. Известно ли ему, что Хуэйфэнь, Жак и даже Натаниэль регулярно навещают профессора Ледюку?

Герцог встречался с несколькими избранными кадетами. Знает ли Гамаш, что она тоже среди избранных?

Выбор был сделан, лояльность объявлена, игра в Али-Бабу закончилась.

Наконец веки у нее стали смыкаться, и она уже хотела выключить свет, как вдруг заметила на обложке потрепанного томика дарственную надпись.

«Клузо, которому в один прекрасный день будет ОТЛИЧНО. Рут».

Рут?

Рут?!

Амелия села на кровати и уставилась на книгу, потом посмотрела в окно на деревню. Ту, которая то исчезала, то появлялась и скрывала за своими толстыми стенами немало разных тайн.

Глава одиннадцатая

Прошла еще неделя, и они целиком ушли в учебу.

Некоторые кадеты старших курсов продолжали ворчать, но все меньше и меньше. Не обязательно потому, что они примирились с реалиями нового положения, просто были слишком заняты, чтобы сетовать.

Однажды ранним утром Гамаш разговаривал по телефону с Рейн-Мари из своей квартиры. Накануне вечером он встречался кое с кем и решил переночевать в академии.

– Я говорила тебе, что Клара вчера обзавелась щенком? – спросила Рейн-Мари.

– Из того выводка, о котором она говорила? Так уже сколько времени прошло.

– Нет, Билли Уильямс нашел этих в мусорном бачке.

Гамаш глубоко вдохнул и выдохнул слово «люди». Не в качестве приговора, скорее выражая удивление. Как в одной породе может соединяться столько намеренной жестокости и столько доброты?

– Клара взяла одного щеночка. Назвала его Лео. Он очаровательный. Но есть кое-что...

Это все, что она успела сказать. На другом конце линии она услышала отдаленный крик. Слов Рейн-Мари не разобрала, но панику распознала.

– Мне нужно идти, – сказал ее муж, и в трубке воцарилась тишина.

Гамаш натянул халат на пижаму, выскочил в коридор и побежал в сторону крика, который становился все громче.

Один голос. Мужской. Молодой. Испуганный. Ужас эхом отражался от мраморных стен и пола, усиливался.

– Помогите! – звал голос. – Помогите! – Третий слог удлинялся. – Помогите-и-и-и-ите! – Скорее звук, чем слово.

Другие преподаватели выбегали из своих комнат и следовали за Гамашем. Пробегаючи мимо двери Жана Ги, он, не останавливаясь, стукнул по ней кулаком.

Он услышал, как сзади открылась дверь и знакомый голос сонно произнес:

– Какого... Господи Иисусе!

Крики впереди прекратились. Однако коридор был по-прежнему заполнен страхом.

Гамаш завернул за угол и увидел Натаниэля Смайта, прижавшегося спиной к стене. На полу лежал поднос с разбитым стеклом и фарфором вперемешку с едой.

Встав перед парнем, чтобы перекрыть поле его зрения, Гамаш быстро, опытным взглядом оценил его состояние.

– Ты не ранен? – спросил он.

Натаниэль, которому никак не удавалось сфокусировать на Гамаше широко раскрытые глаза, покачал головой.

– Присмотрите за ним, – велел Гамаш кому-то, кто первым оказался рядом с ним. – Отведите ко мне. Не выпускайте из виду.

– Что случилось? – спросил Жан Ги Бовуар, останавливаясь рядом с Гамашем.

Появлялись другие преподаватели, вытягивали шею, пытались увидеть, что случилось. Но командер загораживал от их взгляда открытую дверь и то, что за ней.

Он и сам еще не видел, что там, но, как только Натаниэля увели, он повернулся в ту сторону.

– Вызови полицию, – сказал он Бовуару, продолжая смотреть в комнату. Потом добавил: – Вызывай Изабель Лакост.

– Oui, patron.

Бовуар ничем не выдал своего удивления. Хотя слово «потрясение» было бы точнее.

Он знал, что это означает. Что видит Гамаш.

Жан Ги побежал в свою комнату – звонить. В коридоре он встречал встревоженных, взбужденных людей, спрашивающих, что случилось.

Приходило все больше преподавателей, а за ними – другой персонал, а за ними стали подтягиваться первые из кадетов.

– Заприте двери академии, – приказал Гамаш двум из преподавателей. – Никому не входить и не выходить.

Они поспешили выполнить приказ.

Другие преподаватели толпились в коридоре, пытаясь разглядеть, что произошло в комнате. Но Гамаш загораживал им вид.

– Старшие преподаватели курсов, – сказал он, обведя взглядом людей в коридоре.

Вперед вышли три преподавателя:

– Да, командер.

– Убедитесь, что кадеты в безопасности. Соберите их в столовой и пересчитайте по головам. Пусть остаются там. Накормите их завтраком, но пусть никто не покидает помещение до моего распоряжения. – Он окинул преподавателей пристальным взглядом. – Понятно?

– Понятно.

– Тогда быстро. Если кто-то отсутствует или ранен, мы должны это знать.

Преподаватели разделились, загоня сопротивляющихся кадетов обратно в жилые помещения.

Командер Гамаш так пока и не зашел в ту комнату.

– Профессор Маккиннон, возьмите двух ассистентов и соберите всех сотрудников. Секретариат, технический персонал, работников кухни. Всех. Направьте их тоже в столовую. Попросите руководителей служб подтвердить, что все люди в здании им известны и никто не отсутствует.

– D'accord, командер.

Она поспешила по коридору. Рядом с Гамашем остался только один преподаватель.

– Арман, а мне что делать?

– Ничего, – был короткий ответ.

Мишель Бребёф отошел в сторону, наблюдая за Гамашем, который устался в комнату.

– Вообще-то, кое-что ты можешь сделать, – сказал Арман, взглянув на Мишеля. – Вызови врача.

– Да, конечно.

Бребёф быстро пошел по коридору, хотя и знал, что получил самое маловажное и несрочное из заданий. По приказам и действиям Гамаша он понял, что нужды во враче нет.

– Изабель выехала, – сообщил Бовуар, вернувшись к Гамашу и подивившись опустевшему коридору.

Они одновременно посмотрели на часы.

Двадцать три минуты седьмого.

Вокруг царил тишина. Если не считать тихого звука, похожего на тоненький скрип. Гамаш и Бовуар оглядели коридор. Он оставался пустым. Но звук приближался.

Потом из-за угла появился Гуго Шарпантье в кресле-каталке.

– Что случилось?

Увидев лицо Гамаша, он остановил коляску:

– Все настолько плохо?

Гамаш не шелохнулся.

– Где остальные? – спросил Шарпантье.

– Блокируют здание. Персонал и кадеты собираются в столовой.

– А обо мне забыли, – посетовал Шарпантье. Он хотел подъехать ближе. – Могу я чем-нибудь помочь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.